

Сакадин Олег

ПОСЛЕДНИЙ ТЕРАКТ

КНИГА 1

Сакадин Олег Сакадин Олег
Последний теракт. Книга 1

«Издательские решения»

Сакадин Олег С.

Последний теракт. Книга 1 / С. Сакадин Олег — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743142-6

Утром того дня, когда вся страна готовилась к решающему матчу отборочного тура чемпионата мира по футболу, лишь один человек знал о готовящемся теракте в Москве, который потрясет мир. Он также знал, что разыграна карта поистине мирового масштаба, и это событие будет лишь началом в самой кровавой игре за всю историю человечества. Помощи нет. Один человек. Один день. Одна попытка предотвратить неизбежное и лишь одно оружие, с которым можно встать на пути самого сильного врага на земле...

ISBN 978-5-44-743142-6

© Сакадин Олег С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Платон	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	51
Глава 7	56
Часть 2. Восхождение	62
Глава 1	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Последний теракт Книга 1

Сакадин Олег

© Сакадин Олег, 2024

ISBN 978-5-4474-3142-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-5237-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утром того дня, когда вся страна готовилась к решающему матчу отборочного тура чемпионата мира по футболу, лишь один человек знал о готовящемся теракте в Москве, который потрясет мир.

Он также знал, что разыграна карта поистине мирового масштаба, и это событие будет лишь началом в самой беспощадной и кровавой игре за всю историю человечества. И наконец, он знал, что за терактом стоит организация столь несокрушимая и могущественная, перед которой пасуют не только государства и армии, но и самые таинственные кланы и ордены.

Помощи нет. Один человек. Один день. Одна попытка предотвратить неизбежное и лишь одно оружие, с которым можно попытаться встать на пути самого сильного врага на земле...

Часть 1. Платон

Глава 1

18 ноября 2009 года

Я раньше часто задумывался о том, что движет нашей жизнью. Нет, конечно, я не имею в виду бесконечный поток времени, для которого жизнь всего лишь незаметная щепка, уходящая в бессмертные пески, погружающие реальность в море миллиарда сюжетов, каждый из которых уникален и неповторим. Я хотел узнать, что же такое движет нашей жизнью и заставляет ее развиваться, двигаясь вперед, а не топтаться на одном месте сотни лет, чему в истории есть масса подтверждений. Что заставляет человека чувствовать себя человеком, творцом, а не беспомощной соломинкой, попавшей в неуправляемый ураган событий? Теперь я понимаю, что это есть *цель*, которая зажигает и гасит звезды, расширяя реальность на новые горизонты.

Цель может быть осознана или нет. Она может быть узко направлена – вырастить ребенка, построить дом, посадить дерево, так и направлена гораздо шире – создать первую операционную систему, первую социальную сеть, первый смартфон и так далее. Цель должна быть у каждого, поскольку человек без цели, как машина без двигателя, к тому же и без руля, летящая под откос, и зависящая от воли придорожных столбов и валунов.

Не нам решать, когда родиться и когда умереть – хотя в последнем можно и усомниться – но нам, и только нам решать, как жить!

Человек не в состоянии делать всем добро, но он точно в состоянии никому не делать зла! А что есть добро и что есть зло? Несмотря на первый взгляд очевидность этих извечных соперников жизни, за многие века люди настолько извратили и запутали все то, что связано с первоосновами и наводнили жизнь таким количеством противоречий, что новому поколению непросто приходится в процессе становления, путаясь в дебрях непроглядной софистики и ложной философии. Из множества существующих предположений я всегда выбирал одно: вселенная движется и развивается неисчислимым количеством лет, и все то, что способствует ее развитию, есть добро, а что препятствует и тормозит, есть зло. Перенести это на матрицу повседневной жизни весьма несложно, выбор за вами.

Человек сам выбирает свою судьбу, даже когда совершенно не задумывается об этом или пытается доказать очевидность событий некой божественной установкой или злым роком, преследующим его. Попытка отказаться от реалий жизни и переложить свою ответственность на непостижимые плечи, в которых нельзя усомниться, но только поверить, исказить все то, на чем держится жизнь, жадно впитывая иррациональные установки, которые минуют разум сотнями окольных путей, и после этого уповать на судьбу – так может только человек!

Реальность существует независимо от вас только с вашего покорного согласия! В конце концов, если бы каждый человек рождался с одной единственной установкой и был не в состоянии что-либо изменить, отличались бы мы от бездумных персонажей какой-нибудь компьютерной игры, несущей в себе лишь кратковременную усладу развлечений и мимолетную попытку ускользнуть от реальности? Люди, уверенные в этом, невольно сравнивают Создателя с обезумевшим игроком, которому неважно созидание и развитие, а лишь миг наслаждения от бездумной игры.

Лично я никогда таким не был.

Конечно, не все наши поступки могут принести именно то, что мы ожидаем, и моя собственная история тому подтверждение. Ее начало, безусловно, неспособно заинтересовать

кого-либо, поскольку несет в себе извечное желание разбогатеть и прославиться, но вот ее концовка уж точно покажется невероятной и непостижимой!

Судьба не слепа, она всегда дает возможность только тому, кто готов, или сам целенаправленно движется к ней. Случай – это псевдоним Бога, когда он не желает подписываться своим именем. Вот только воспользоваться им или нет – решаем мы.

Не скажу, что я был готов к тому, с чем столкнулся, и уж точно не двигался в схожем направлении, но с уверенностью могу заявить, что мог сознательно уйти с пути и не принять подобного вызова. Я мог навсегда затаиться на таком уединенном и безлюдном острове, далеком от любых материков, что даже Мулдашев никогда не отыскал бы, не то, что все секретные службы мира. Но я не сделал этого.

Я хотел бы сказать, что не мог поступить иначе, и что выбор был несоразмерен настолько, насколько возможна несопоставимость вариантов, но я давно отказался от подобных трактовок. Выбор есть всегда, ведь тот, кто хочет – ищет пути, а кто не хочет – ищет причины. Я не искал причин и не боялся взять на себя ответственность чудовищной силы. Вот уже больше часа я сидел в своем кресле, держа в руках фотографию самого дорогого, и, несомненно, самого гениального человека на земле и понимал, что принял твердое решение прервать его жизнь, и всю ответственность за этот поступок я беру только на себя...

Начинался самый трагический и непредсказуемый день на земле, способный перевернуть всю историю человечества.

Сегодняшний вечер для Артема Быстрова, директора департамента по работе с ключевыми клиентами «ГолдСтар Телекома», был весьма многообещающим – встреча с друзьями, футбол, сауна с бильярдом.

Не раньше чем через три часа наша сборная примет ответный матч со Словенией, итогом которого будет долгожданная путевка на чемпионат мира, и на который сам Быстров поставил тысячу евро в конторе знакомого букмекера.

Разумеется – на победу России, и, хотя его приятель рекомендовал большую выгоду от ставки на противника, Артем из чувства глубокого футбольного патриотизма не мог поступить иначе.

Мысль о том, что наша сборная может проиграть, вообще боялась появляться в голове Быстрова, словно ее могли там стереть заживо. И вспоминая слова друга – «они костями должны лечь на поле, но вырвать эту проклятую поездку» – Артем лишний раз подтверждался в своей правоте.

Полученный выигрыш он намеревался перечислить на счет Оренбургского детского дома №8, из которого сам некогда вышел, и, не смотря на большинство негативных отзывов по поводу учреждений подобного типа, что так часто появлялись в СМИ, хранил теплую память о нем.

Перекусив легкими закусками, дабы не отягощать желудок перед предстоящим пиршеством, Артем принял душ и уже через полчаса стоял у окна своей красивой, очень стильной квартиры жилого комплекса «Алые Паруса».

Вид, что открывался с тридцать пятого этажа на набережную Москвы-реки, иначе как потрясающим не назовешь, особенно в вечернее время. Через реку напротив затаился уникальный, окруженный со всех сторон водой заповедный парк столицы Серебряный Бор, что по своей красоте не имел равных не только в Москве, но и далеко за ее пределами, и это лишний раз подтверждали цены на недвижимость, если та располагалась на территории острова-заповедника. Чуть дальше искрились огни Крылатского, соединенного с городом красивым красным мостом, на вершине которого строился уникальный ЗАГС в форме летающей тарелки.

А если посмотреть в сторону центра, так и вообще захватывало дух от величия сталинских высоток, гордых небоскребов Москва-Сити, Храма Христа Спасителя и многих других

храмов и церквушек. Завораживали взгляд огни Кремля, который виднелся, хоть и довольно плохо, но все же очень красиво, а разношерстный колорит парков, скверов, хорошо освещенных аллей, просто красивых домов, как исторических оттенков, так и современных жилых комплексов лишь добавлял общей картине некую золотую оправу.

Подобно кровяному потоку в венах тянулись по магистралям московские пробки.

В свое время этот вид Бытрову влетел в копеечку, но он ни разу об этом не пожалел, и даже со временем не перестал наслаждаться по вечерам подобной красотой, хотя ему и говорил один знакомый риелтор, что сам вид покупается максимум на полгода, а потом теряет свое первозданное очарование.

С раннего детства Артем мечтал жить как можно выше от земли. Это во многом объяснялось одним детским воспоминанием, связанным с высотой.

В Оренбурге лишь одно здание могло похвастать своими нестандартными на то время размерами – почти двадцать пять этажей, но по воле судьбы ему так и не суждено было ожить полноценной жизнью своих обитателей, обретя статус вечной стройки. По слухам, геодезисты обнаружили под ним какую-то впадину, в которую при чрезмерном давлении мог уйти весь дом, да еще утащить за собой половину центра города, где он собственно и находился, оставаясь шрамом на лице Оренбурга.

Даже сейчас, вспоминая об этом, Быстров недоумевал – неужели нельзя было предусмотреть все это заранее, а не спохватиться, когда дом возвели под крышу? Так или иначе, несчастное здание так и осталось стоять брошенным, мрачно взирая на город своими пустыми окнами. А как часто бывает в нашей стране, на ликвидацию роковой стройки не было выделено ни средств, ни желания.

Поскольку со временем про «небоскреб» забыли даже охранники, пробраться на него не составляло особого труда. Особенно это любили самоубийцы, которые толпами летали вниз головой, считая, наверное, что подобная смерть на виду у всех придаст их жизни хоть какой-то смысл. В историю все попадают по-разному.

В девятилетнем возрасте Артем с друзьями совершил путешествие на крышу мрачного дома, и то, что он увидел перед собой, запомнилось надолго – центр города лежал как на ладони, играя огнями своих фонарей. Маленькие фигурки людей направлялись куда-то по своим делам, машины и автобусы пытались поскорее выбраться из тесных маленьких улочек на более просторные дороги. Это напомнило Быстрову жизнь муравейника, который он наблюдал один раз в приезде зоопарке, куда его повели на день рождения приемные родители.

Да, в то время у Артема уже были приемные родители, с которыми ему несказанно повезло в плане взаимоотношения и понимания, не говоря уже о любви, столь необходимой беззащитному детскому сердцу. Мама работала учителем в средней школе. Отец, как подобало большинству советских граждан – на заводе. И хотя жили они весьма стесненно, были очень добрыми и отзывчивыми людьми, а всю свою невестребованную любовь материнства и отцовства излили на приемное дитя, потому как свое им иметь было не суждено. Артем смутно помнил, чтобы родители вообще ругались, разве что были мелкие непонимания, которые решали совместно довольно быстро. Мама по долгу работы – учитель литературы – да и по собственной любви к книгам была очень начитана, и всегда могла заинтересовать маленького ребенка любопытным рассказом. Отец так же любил читать, но больше научную литературу, что было большой редкостью для слесаря второго разряда. Еще одним большим преимуществом его было умение радоваться тем вещам, на которые большинство людей просто не обращали внимания – житейским мелочам. По вечерам Артему редко удавалось не встретить улыбку и довольствие на лице отца, который один раз сказал ему, что счастье вокруг нас, надо просто не забывать про него.

«Сынок, ведь у нас же все хорошо, мы вместе и любим друг друга. Пускай, не очень богаты, но на кусок хлеба всегда найдем. Сейчас я пришел домой после тяжелого рабочего дня,

меня ждет вкусный ужин и любимая семья, с которой я могу провести весь вечер, так чего же мне не улыбаться и не быть счастливым?».

Совсем недавно Артем перечитал книгу Мориса Дрюона «Дневники Зевса», где одна история так сильно напомнила ему об отце:

Царь богов Зевс со своей будущей женой Герой прогуливались по побережью и встретили бедного рыбака, который с радостью накормил их только что выловленной рыбой. Никогда в жизни Зевс не ел такой вкусной рыбы, и поэтому спросил рыбака:

«Почему ты, почтенный старец, пригласил нас, незнакомых тебе людей, на такой вкусный ужин?»

«Вы молоды и счастливы, – улыбаясь, ответил рыбак, понятия не имея, с кем говорит, – и этим счастьем вы лишней раз напомнили мне, как прекрасна жизнь, вот мне и захотелось вас отблагодарить».

Зевс был поражен таким ответом, и в благодарность наградил рыбака самым ценным, на что был способен – это не было богатство, признание, власть, а возможность всегда радоваться жизни – просыпаясь с утра, смотря на рассвет, слыша щебетание птиц и наблюдая за красотой природы. И в этом было истинное счастье.

Читая данный эпизод, Артем вспомнил про отца, которого уже пять лет не было в живых.

Заиграл телефон, и приятный женский голос сказал, что такси ожидает. Быстров тряхнул головой, словно приводя мысли в порядок, и в последний раз окинул взглядом город, залюбовавшись красотой какой-то сталинской башни, почему-то вспомнив про здание МГУ. Один знакомый строитель говорил когда-то, что воссоздать подобное очень сложно и без четкого контроля, а также страха перед расстрелом, практически нереально. Каждую часть этой красоты заливали отдельно, и годами могли ждать, как поведет себя каждая конструкция, прежде чем соединить все воедино. А про сложность простой геометрической сопоставимости и говорить не приходилось – над ней трудились академики. Артем еще тогда подумал, что, получается, возвести один из небоскребов Москва-Сити гораздо проще, чем повторить МГУ?

Схватив со стола дольку бельгийской шоколадки, Быстров выскочил из квартиры в предвкушении победы. Мысли снова переключились на футбол и друзей.

Пивной ресторан «Жигули», что на Новом Арбате, был полностью готов к началу матча: пивные бочонки заряжены и приготовлены к бесконечной эксплуатации, столики во всю стену ломились от обилия различных яств, в больших аквариумах аппетитно расхаживали здоровенные раки.

На улице Быстрова уже поджидал Сергей Макаров, старый друг и один из самых близких людей, окружавших его. Всем своим видом Макаров олицетворял успех и продвижение, уверенность в себе и просто большое расположение. Среднего роста, хорошего телосложения, с яркими рыжими волосами и большими зелеными глазами, Сергей пытался помочь всем и всегда, даже совсем малознакомым людям по самым различным вопросам, если только такая возможность предоставлялась.

Оптимизм был в нем, как говорится, «до мозга костей», а хорошее настроение воздушно-капельным путем передавалось почти всем, кто был рядом. Конечно, в жизни все бывало, и Быстров помнил не только позитив, но также периоды упадка, отчаяния, глубокой депрессии Макарова, что было следствие долгих неудач и провалов в работе.

Сейчас же Сергей владел агентством элитной недвижимости «Парфенон», так что денежные проблемы мало заботили его. Помимо всего прочего друзья совместно организовали сеть интернет-магазинов по продаже спортивных товаров таких марок, как Гринхил, Топтен, Адидас, Лансдейл, причем по некоторым из них работали напрямую с производителями. Были мысли со временем замахнуться и на Боско, спортивную одежду олимпийской сборной России, но на сегодняшний день руки не доходили.

– Ты один? – от Быстрова не укрылась обеспокоенность друга.

– Как глаз у Кутузова, – даже в мрачном состоянии Сергей любил пошутить, – торчу здесь уже битый час.

– Чего хмурый такой? Платон с тобой?

– Это одна из причин моей напряженности, и я втайне надеялся, что вы вместе.

– А что случилось?

– Платон уже три часа не берет телефон, а сейчас аппарат вообще отключен.

– Ну что ж ты хотел, он у нас важная птица, мало ли какие срочные дела нарисовались.

Быстров сам плохо верил в собственные слова – Платон всегда предупреждал, если планы вдруг менялись, и приходилось отменять встречи с друзьями. Конечно, ни о чем страшном думать не стоило, Артему просто было грустно оттого, что друга не будет рядом в такой значимый день. Тем не менее, он старался казаться как можно веселее.

– В таком случае мы все ему подробно перескажем, чтобы слюнки потекли. Будет знать, как пропускать наши встречи.

Сергей лишь мрачно кивнул, впервые улыбнувшись.

– Это единственное, что тебя беспокоит? – Артем был уверен, что есть что-то еще.

– Не совсем. Ты случайно ничего не слышал о взрыве на юго-западе? Быть может по радио, телевизору, в интернете заметка была?

Быстров лишь недоуменно покачал головой.

– Ты меня пугаешь, к чему спросил? Что ты видел?

– Ничего не видел, в том то и дело, зато отчетливо слышал.

– Слышал что?

– Взрыв. Рвануло так, что мне показалось, будто снесли здание МГУ, и если бы я его не видел в добром здравии по дороге сюда, поставил бы на это ящик Хеннеси.

– Когда?

– Около часа назад.

– Чертовщина какая-то. Но я, правда, ничего не слышал.

– Ладно, проехали, голова кругом идет. Давай пойдем.

В тамбуре на стенде висели фотографии наших игроков и наиболее яркие моменты отборочного цикла чемпионата мира по футболу, с подписями внизу.

Сам зал ресторана стилем напоминал старинную харчевню, по крайней мере, так ее представляли кинорежиссеры – деревянные столы были расставлены по всему периметру зала, а стулья заменяли длинные скамейки. Единственным отличием от старины было множество плазменных панелей телевизоров, которые висели во всю стену, и огромная фотография Брежнева на охоте в самом начале зала.

– До игры еще минут сорок, перехватим чего?

Быстров кивнул, и они взяли по фирменному «жигулевскому» пиву, салату «Цезарь» и общую тарелку узбекского плова.

Артем только сейчас почувствовал, как зверски голоден, и с жадностью накинулся на заказ.

– Как на работе? – спросил он через некоторое время, заказав еще по пиву.

– Терпимо, – нахмурился Сергей, – ты же знаешь, цены на недвижимость все еще идут вниз, хоть и небольшими темпами, а на рынке «покупателя» работать весьма непросто.

Начиная с двухтысячного года, жилье в столице росло как на дрожжах, принося собственникам квадратных метров непомерные прибыли. А какую маржу снимали застройщики, и говорить страшно – при начале строительства с учетом работ, материалов, техники и подкупов чиновников стоимость квадратного метра закладывалась в районе полторы-две тысячи долларов за квадратный метр, а готовые квартиры продавали за пятнадцать-двадцать тысяч

долларов за метр в зависимости от этажа, вида, и прочих условий. Итого навар успешно переваливал за тысячу процентов.

Разумеется, речь шла только об элитных жилых комплексах, а также комплексах бизнес-класса, чья природа имела в России совсем небольшой возраст.

Наибольшее количество подобных комплексов в Москве было построено компаниями «Дон-Строй», «Капитал групп» и «Миракс».

Если верить прессе, то на сегодняшний день первые две имели немалые трудности по выплате непомерных кредитов, которые в свое время были позаимствованы на все новые и новые стройки, а «Миракс» вообще, по слухам, сводил концы с концами, и многие со дня на день ожидали банкротства строительного гиганта. Макаров догадывался, что если бы не самый громкий проект «Миракса» – главный небоскреб Москва-Сити башня «Федерация» – то дело давно бы пошло полным крахом. Однако «Мираксу» так и не суждено будет восстановиться, и не только ему.

Спустя несколько лет эксперты будут утверждать, что кризис 2008 года начисто стер карту основных игроков на рынке столичной недвижимости, большинство крупных компаний были поглощены банками, многие обанкротились, но, конечно же, появлялись новые игроки, которым суждено было бороться за новый, восстанавливающийся рынок. Мощный рывок преодолел в те годы будущий строительный гигант «Мортон».

Однако обо всем этом тогда не знали, и еще год назад никто бы и подумать не мог о подобном, а руководство строительных гигантов богатели абсолютно бессовестными темпами.

В профессиональных кругах работников недвижимости то золотое время называлось «рынком продавца», потому как собственники квартир вели себя довольно раскованно, зная, что каждый прожитый месяц приносит стоимости жилья определенную наценку. При малейших непониманиях, которые практически всегда возникали при покупках подобного жилья, продавцы запросто могли сорвать сделку, повысить стоимость квартиры или отложить продажу на более поздний срок.

С момента наступления мирового финансового кризиса все поменялось – «элитка» со скоростью свободного падения устремилась вниз, в некоторых районах потеряв практически половину своей стоимости. Изменились и правила игры, и теперь покупатели с деньгами на руках нещадно отыгрывались на нервах продавцов, выставляя свои требования.

С тех пор и стали называть рынок недвижимости «рынком покупателей».

– Понимаю, но на обслуживание «Корвета» хватает?

– С лихвой, – улыбнулся Макаров, – все в целом не так плохо. Мы, конечно же, не претендуем на уровень «Блеквуда» и «Пенни Лейна», но свой кусок всегда ухватим и в накладе не останемся. Так что помимо «Корвета» я забочусь о «Крузере» дорогой жены и добросовестно выплачиваю ипотеку за виллу в Италии.

– Ах да, я и забыл, – развел руками Быстров, – когда поедем покупку обмывать?

– Можем слетать на следующих выходных.

– Давай загадаем, а там как пойдет. Скажи, а почему ты решил связаться с ипотекой?

– Да потому что зарубежом это не наша кабала, а практически подарок – четыре процента в год, представляешь, какие ставки по сравнению с отечественными семнадцатью? Плюс просто куча, а главное, мои средства со мной, за исключением небольших ежемесячных отчислений.

Быстров покачал головой.

– Ладно, давай не будем о работе. Позвони еще раз Платону.

Сергей кивнул, потянувшись за телефоном.

– Абонент недоступен, – с грустью произнес он.

За пять минут до начала матча в зале яблоку негде было упасть. Самая разношерстная публика занимала места – от молодых юнцов, обмотанных российскими шарфами и разукра-

шенными в цвета родного флага, до взрослых солидных бизнесменов, даже в такую минуту не расстающихся с деловым стилем одежды. Слева от ребят присели две симпатичные молодые фанатки и Макаров наконец-то по настоящему улыбнулся, загадочно подмигнув другу. Несмотря на то, что он не был красавцем – непомерно большой нос был характерен скорее для жителей Кавказа – на женщин, подобно Сирано де Бержераку, производил ошеломляющее впечатление.

– В другой раз, – покачал головой Быстров, настроение которого окончательно испортилось и в душе начало зарождаться некое подобие тревоги.

Тем не менее, начало матча несколько развеяло дурные предчувствия, да и количество выпитого пива внесло свою долю расслабления.

Как ни трагично было для всех присутствующих, но первый тайм прошел по нулям, а игра наших игроков порой не выдерживала критики. Атмосфера в ресторане была накалена до предела, и после свистка арбитра начались бурные дискуссии, словно каждому не терпелось вынести собственный вердикт на игру.

– Нет, ну ты видал, чего творят! – возмущению Макарова не было предела, – они же могут запороть весь свой триумфальный путь к финалу! Куда подевалась наша атакующая игра! А защита, ты видал, чего защита вытворяет! Мы же трижды чуть не пропустили мяча из-за них!

– И не говори! – Быстров полностью разделял негодование друга, – если бы не Акинфеев, нам бы уже хана настала!

– Согласен! Но нельзя же ведь рассчитывать только на вратаря! В таком случае можно его одного на поле выпускать, да Аршавина в нападение ставить!

– А Аршавина-то как держат! Шагу ступить не дают, словно кроме него у нас нападающих нет! – Макаров залпом опрокинул очередную кружку превосходного пива.

– Да как бы кого не держали, не будет им оправдания, если мы не попадем на чемпионат.

– Не говори! – поддержал друга Сергей. – А если из-за этого мы потеряем Хиддинка, весь наш футбол опять откатится на инвалидный уровень.

Артем хмыкнул, и предложил заказать по тарелочке горячих раков.

– Погоди, это еще что за... – Сергей не успел договорить, как Быстров перекинулся на экран телевизора, где в один момент прервали обсуждения футбольных комментаторов ради экстренного выпуска новостей. Взору болельщиков предстала хорошо знакомая телеведущая Екатерина Андреева, и даже сквозь литры выпитого пива можно было разглядеть, что она взволнована.

Друзей охватило чувство братского волнения, а услышанное позже заставило их победить...

Глава 2

Оперативная съемочная группа «Первого канала» от скуки вот уже полчаса заседала в «Кофе Хаусе», истощая запасы фирменного капучино с горячими круассанами.

День выдался на редкость скучным и нерабочим, не считая слабого пожара на складе в Капотне, к счастью, без жертв, и неподтвержденного сообщения о функционирующем казино в здании районной прокуратуры.

Звукооператор Степан Родонин травил анекдоты, запасы которых, казалось, вообще не истощались. Выпускающий редактор Марина Семенова и оператор Олег Атаров искренне хохотали, и только корреспондент Иван Козлов сидел с хмурым видом, лишь из вежливости улыбаясь на концовках очередного анекдота, хотя совершенно не слушал их.

Несколько минут назад Иван получил информацию о взрыве на Мосфильмовской и перестрелке между телохранителями из личной охраны президента Чечни Рамзана Кадырова с неизвестными людьми, вот только тайный информатор, которым Иван дорожил больше всех остальных, настоятельно просил не появляться на месте происшествия как минимум полчаса.

По счастливой случайности, съемочная группа находилась в районе Ленинского проспекта, и добраться до Мосфильмовской было делом десяти минут.

Иван прекрасно понимал, что за такую отсрочку они попросту могут не успеть первыми, но дал слово информатору. И по этой причине он до сих пор не поделился с ребятами такой новостью, которые вряд ли усидели бы на месте и минуту.

Позже он объясниться перед Мариной, но не сейчас, когда мозг напряженно работал.

Президент Чечни вот уже два дня находился в Москве с рабочим визитом, и это обстоятельство, как и то, что он владел квартирой на Мосфильмовской, не было секретом для прессы. Вот только по данным Ивана на сей раз Кадыров остановился в своем новом приобретении, лучшей квартире жилого комплекса «Коперник» по версии журнала «Эсквайр».

Разумеется, пресса не отслеживала каждое передвижение президента Чечни, и тот запросто мог наведаться на Мосфильмовскую, вот только как понял из короткого разговора с информатором Иван – Кадырова там не было при взрыве.

Остается вопрос – какого черта его охрана забыла на Мосфильмовской, да еще и вступила в перестрелку с группой неизвестных людей? Вывод напрашивался сам собой – они ждали кого-то. А что известно о самом взрыве и что, собственно, взрывали? Информатор передал, что от взрыва были жертвы, но мало, зато вскользь намекнул о наличии трупов по другим причинам.

Козлов так глубоко закопался в себе, что даже не заметил обращенного к нему вопроса Семеновой.

– Вань! С тобой все в порядке? – Марина выглядела обеспокоено.

– Да-да, конечно, – замотал головой тот, – а что случилось?

– Ты посмеялся над грустной историей Степана про подмосковный приют для животных.

– Серьезно? – видимо, Козлов принял ее за очередной анекдот. Некрасиво получилось. –

Простите, я, наверное, задумался.

– И что же так тебя увлекло? – теперь Марина смотрела с подозрением. Тончайшее чутье охотника за новостями чувствительной стрункой дрогнуло внутри. Так акулы могут почуять слабую струйку крови через километровую толщу воды.

Под важным предлогом Иван удалился в туалет, где проторчал минут пятнадцать, желая избежать дальнейших расспросов. Потом быстро умылся холодной водичкой, немного взбодрился, стараясь придать лицу обеспокоенность и решительно направился назад к коллегам с твердым намерением перейти в наступление.

– Все по коням! Мне только что сообщили об одном происшествии...

Самый популярный жилой комплекс западной части Москвы «Воробьевы Горы», что на Мосфильмовской 70, выглядел неважно. По трем высотным корпусам, более сорока этажей каждый, словно смерч с огнем пробежался: стеклопакеты выбиты, черный отпечаток на стенах как после атаки напалмом, декоративная плитка по многих местах расплавилась, но самое главное – башни стояли, а значит, несущие конструкции были не повреждены. Остальные малоэтажные корпуса находились в стороне, и поэтому не пострадали. Взрыв прогремел посреди спортивной площадки между высотными корпусами, оставив после себя солидную воронку и большой отрезок прожженной территории.

К моменту приезда оперативной группы Семеновой весь комплекс был оцеплен милицией и ФСБ. Вокруг отчаянно выли сирены пожарных машин. Толпы перепуганных людей стекались со всего района, постепенно взяв комплекс в кольцо и перекрыв тем самым проезжую часть на самой Мосфильмовской, а также идущую перпендикулярно дорогу на Минской улице. Внутрь никого не пускали. Поскольку со временем сдерживать любопытных стало невозможно, оперативники вызвали подкрепление.

Съемочную группу пропустили только после предъявления карточек прессы, но к эпицентру взрыва пока не пускали.

– Работают эксперты, им мешать нельзя, – объяснил полковник ФСБ Федор Корнилов, старый знакомый Козлова, – вам придется потерпеть.

Водитель остановил специально оборудованный пикап «Первого Канала» рядом с парковкой малоэтажного четвертого корпуса. Все мысленно приготовились к работе.

Атаров настраивал камеру. Киселева предупредила базу о готовности получения информации, переговорив с ответственным за выпуск «Новостей», ветераном «Первого Канала» Николаем Симоновым. Козлов же старался не отставать от полковника Корнилова, который пока не заходил за натянутую экспертами ленточку.

– Что тут произошло?

– По большому счету ничего страшного по сравнению с тем, что могло произойти. Конечно, ничего приятного нет.

Он кивнул в сторону больших корпусов, и даже отсюда было видно несколько обгоревших трупов.

– Кто это? – спросил Козлов.

– Явно ни невинные жертвы, судя по наличию автоматов. Приехали на четырех джипах «Лэнд Крузер» и микроавтобусе ГМС, и один из джипов был под крышу напичкан таким количеством взрывчатки, словно они собирались на войну. Личности будут выясняться, но есть предположение, что они здесь либо жили, либо приезжали к кому-то из жильцов – иначе охрана просто так не пропустила бы такую компанию. Скорее всего, большинство из них было убито еще до взрыва охраной Кадырова.

На лице Ивана читалось множество вопросов, и Корнилов ясно понимал это, но вместо ответов лишь развел руками.

– Я сам пока мало что понимаю. Знаю только, что самого Кадырова здесь не было, он сейчас на встрече в Кремле. А охрана взята под стражу, но говорить сейчас явно не собирается, да и показания их вряд ли в ближайшее время вынесут на свет. Есть только предположение о том, что взрывчатка явно не готовилась для спортивной площадки.

– Ты думаешь, что окажись она внутри какого-либо корпуса...

– ...и на месте его был бы котлован, – закончил за корреспондента Корнилов.

Козлов с удивлением посмотрел на полковника.

– А есть мысли, какому корпусу предназначался подарок?

Корнилов немного помедлил с ответом, но потом все-таки решился.

– Вполне возможно, что всем.

Дальнейшие вопросы застряли в горле у Ивана, едва только мысли переварили полученную информацию.

«Семь корпусов разной этажности, да здесь тысяча квартир, не меньше! И если даже предположить, что в каждой живет по три члена семьи, то жертвы атаки переваливают за три тысячи человек!!!»

Полковник воспользовался замешательством Козлова, незаметно улизнув за запрещенные ленточки.

Съемочную же группу пустили внутрь только после окончания работы экспертов, и они сразу устремились к месту происшествия. Завидев издаലെка «сбежавшего» Корнилова, Иван сразу направился к нему.

– Среди мирных жителей жертв нет, – Корнилов склонился над эпицентром взрыва воронкой метра в два, недоверчиво всматриваясь в пострадавший кусок земли, – разве что одного зацепила шальная пуля, но ничего страшного. Остальные по нашим рекомендациям не покидают корпусов.

Эта новость была настоящим чудом! Как позже выяснилось, к началу перестрелки между охраной Кадырова с неизвестными на улице находилось несколько человек. Один из террористов (как их впоследствии стали называть) вышел с битой и стал крушить стоящий мирно автомобиль «Мерседес», явно рассчитывая на всеобщее внимание. Перестрелка началась довольно быстро, видимо, даже для террористов, и все свободные зеваки пулей влетели в ближайшие подъезды, поэтому никто не пострадал.

Машинам повезло меньше. Гостевая стоянка дорогих машин в один миг стала похожа на свалку металлолома, и, несмотря на всю трагичность ситуации, Иван с грустью оглядел «Мерседес» SLR, стоящий ближе всех к спортивной площадке – от бывшего величия остался лишь фирменный знак.

Жертв перестрелки уже убрали, но были отмечены места их нахождения. Иван насчитал четырнадцать. Корнилов сказал, что в «Галерее» есть еще.

«Галереей» назывался туннель под землей, который соединял все семь корпусов, а также давал выход жильцам в фитнес-клуб, продуктовый магазин и в будущем строящийся торгово-развлекательный комплекс. Спуститься в него можно было со второго уровня подземной стоянки или по лестнице с корпусов.

Атаров с камерой сновал вдоль и поперек, стараясь отхватить наиболее яркие кадры. Киселева не отставала от него ни на шаг.

– Олег, ты вообще чего-нибудь понимаешь? – спросила вдруг она, – как такое могло произойти? На кого-то покушались?

– Понимать я буду потом, – буркнул оператор. Он очень не любил, когда отвлекали от работы.

Марина с наигранной обидой закатила глаза, но продолжать расспросы не стала.

К этому моменту налетели запыхавшиеся группы телеканалов РТР и ТВЦ. Видимо новость застала их на другом конце города, либо гораздо позже, чем следовало. Остальные были на подходе, и через полчаса прессы на площадке было не меньше оперативных сотрудников.

Стали понемногу выходить на улицу жители комплекса, с ужасом наблюдая за развернувшейся картиной. Корреспонденты накинулись на них, как коршуны на добычу, задавая примерно одни и те же вопросы.

– Я была дома, когда услышала выстрелы, сначала несколько, а потом начался настоящий ад, – говорила молодая женщина, жительница с третьего этажа.

– Точно, настоящий ад! – вторил ей сосед, артистичной внешности мужчина лет сорока, – огонь вели с разных точек! У меня окна кухни выходят на спортивную площадку, вон те,

видите, с разбитыми стеклами! – он указал на угол дома. – Трое стояли прямо за четвертым корпусом. Остальных видно не было, наверное, обошли дом с другой стороны.

– Я видела стрелявшего человека на площадке пожарной лестницы, – очень подвижная старушка подбежала ближе к первому корпусу, указывая пальцем вверх.

Рассказы других жильцов в основном повторялись, правда, по ним сложно было составить полную картину происшедшего. Люди либо мало что видели, боясь высовываться в окна, либо успели ухватить совсем немного. Как выяснилось позже, стрельба продолжалась совсем недолго, возможно, меньше минуты. Потом рвануло.

Дабы не терять времени зря, а также сохранить превосходство первого появления, группа «Первого Канала» собралась у своего микроавтобуса, внутри которого находился передвижной спутник для передачи информации в центр.

Еще во время осмотра корпусов Козлов мысленно накидывал текст выступления, местами останавливаясь, делая пометки в блокноте.

Олег Атаров вручил диск записи Семеновой, вставляя в камеру новый и готовясь к тому моменту, когда Иван включит звук и пойдет съемка крупным планом.

В микроавтобусе, в тесной аппаратной, оборудованной монтажными столами и машинами для передачи материала, стоявшими друг на друге, водитель-техник настраивал передатчик на волну спутника студии «Первого Канала».

Семенова возилась с переданным ей диском съемки, а Иван тем временем заканчивал свои наброски, мысленно готовясь к собственному репортажу.

После окончания записи Козлов отправился искать Корнилова, который за это время должен был узнать все подробнее.

Полковник ФСБ ходил по «Галерее» взад и вперед, словно измеряя ее шагами, и выглядел весьма удрученно. С Иваном они познакомились задолго до того, как один стал репортером, а другой связал свою жизнь с государственной службой. Несколько лет оба довольно плотно дружили, но один неприятный инцидент положил конец их дружбе.

С тех пор, вспоминая прошедшее время, Козлов и Корнилов решили не рвать все с корнем, и сохранили просто приятельские отношения.

– Очень много здесь неясного, я бы даже сказал, неправдоподобного, – Корнилов не стал дожидаться вопросов, – не для прессы.

Козлов кивнул.

– Общее количество трупов тридцать пять, из них одиннадцать – охрана Кадырова, остальные, гм, будем называть их неизвестными.

– Значит, сыграть в сухую по очкам не получилось, – сказал Иван, – а еще говорят, лучшая охрана у первых лиц.

– Охрана у Кадырова из бывших бойцов группы «Альфа», лучшие из лучших, и количество жертв с их стороны доказывает только то, что нападавшие были тоже большие профи. Мое первое впечатление по поводу того, что неизвестных убили до взрыва, похоже, ошибочно – это взрыв их уничтожил. Значит, они его не ожидали, либо все произошло настолько быстро, что даже профи не успели среагировать. Вот телохранителям Кадырова повезло больше, их погибло только двое на площадке. Двое против десяти. Зато вот здесь, – Корнилов окинул взглядом «Галерею», – была только стрельба, и явно не в пользу «Альфы». Три трупа бойцов лежало рядом в самом начале тоннеля. Двое из нападавших найдены мертвыми на лестнице. Еще двое на территории подземной парковки, один возле почтовых ящиков в подъезде второй башни.

– Тогда кто же в таком случае пострелял их? – удивился Иван.

– Это загадка, вряд ли они погибли все одновременно. Остальные же телохранители находились на улице. Будем выяснять.

– А по поводу нападавших? Неужели ничего не ясно?

– Эта вторая загадка для меня, – вздохнул Корнилов, – машины числятся на одной из квартир комплекса. Наши люди обыскали ее, и, к великой моей радости, нашли семь паспортов. Два из них точно принадлежат людям, проехавшим на территорию – их опознали по фото охрана на проходной. Остальные пять, скорее всего, также имеют отношение к нападавшим. Но самое главное то, что эти паспорта не зарегистрированы нигде!

– В смысле, подделка?

– В том то и дело, что нет! Степень защиты российского паспорта, как ни странно, одна из сильнейших в мире. У нас в команде экспертов, владеющих большинством наборов «ключей» к паспорту, по пальцам перечесть. И если они все одновременно твердят мне, что документы подлинные – сомневаться не приходится. Конечно, мы отправим паспорта туда, где проведут анализ на все сто...

– Это куда? Кто владеет полной информацией?

– Государственная тайна, – поморщился Корнилов, – к тому же это не имеет никакого значения. Если наши опасения подтвердятся, можно будет ставить свою голову на то, что документы вышли из-под станка «Госзнака».

– Хорошо, допустим, они настоящие.

– В таком случае государство и понятие не имеет, что когда-либо выдавало их данным субъектам. Более того, если эти пятеро вообще рождались на территории России, ходили в детский сад, школу, институт – то значит, были невидимками. Даже свидетельств о рождении нет! Квартира зарегистрирована на Гуланова Андрея Владимировича, человека, о котором налоговые органы не знают ровным счетом ничего.

– Как так? – удивился Иван. – Сделка купли-продажи должна была пройти через регистрационную палату, они же в свою очередь снабжают информацией налоговиков и прочие заинтересованные структуры. Разве возможно обойти все это?

– Я бы и рад сказать, что нет, но зная, какой у нас творится бардак и коррупция, просто промолчу.

– Во дела.

– И не говори, – кивнул Корнилов, – но больше всего меня шокируют не документы, а вооружение этих хлопцев. Ты когда-нибудь слышал о последней разработке автомата «Magpul Massaund»?

Любого другого подобный вопрос поставил бы в тупик, но не Козлова. Одним из хобби бывшего следователя было вооружение – история, испытания, последние разработки. Журналы, статьи, специализированные книги, любая полезная информация, которую можно было достать, с жадностью исследователя впитывались Иваном, поглощая большую часть свободного времени.

– Еще бы! Обновление устаревшей «М16».

– Не просто обновление, – возразил Корнилов, тоже любитель подобной тематики, – это совершенно новая технология, в рекордно короткие сроки меняет калибр и класс вооружения – компактный карабин, автомат, снайперская винтовка в одном лице. При массе в три с половиной килограмма обладает улучшенной...

– ...все понятно, – перебил товарища Иван, который не любил подобных лекций, – ты хочешь сказать, что у горе взрывателей имелся образец этого чуда?

– У них было пять автоматов «Magpul Massaund», два из которых нашли в машинах!

– Ты шутишь?

– Шел бы ты знаешь куда! – обиделся Корнилов.

– Ладно, прости, просто не верится.

– Я еще не закончил, приготовь свое неверие. У этих, – он кивнул в сторону лестницы, – нашли два автомата «АК-9».

Козлов шокировано посмотрел на полковника, не решаясь продолжить вопросы. «АК-9», абсолютно новый «Калаш», за разработкой которого он следил с двухтысячного года, и сам мог написать целую статью об этом. При создании разработчики пытались превзойти все имеющиеся аналоги и собрать лучшее, что есть в России. Бесшумный, беспламенный компактный автомат, имея в своем арсенале подствольный гранатомет, лазерный прицел, набор тактических фонарей, дополнительный прицел «ночного видения», обладая при этом простотой обращения и тончайшей высокоточностью – он был настоящим гением убийства!

Правда, в одном Иван не был уверен, и не преминул спросить Корнилова.

– погоди-погоди, разве его уже пустили в производство?

– В том-то и дело, что нет! Первый образец должны представить в этом году на выставке «РОСТ-2009»!

– Я просто в шоке от всего этого. А можно хоть одним глазком? А? – любопытство исследователя взяла свое.

– Их уже увезли, – покачал головой полковник. – И на самом деле, это еще не все сюрпризы.

– Даже боюсь спрашивать.

– О нанотехнологиях много знаешь?

– Если честно, никак не доберусь до этой области.

– «Молекулярная броня» говорит тебе о чем-нибудь?

Козлов лишь удрученно развел руками, сказав, что с фантастикой связан плохо.

– При чем тут это! Ты знаешь, что на современных танках по корпусу расположены тротильные пластины?

– Это еще зачем?

– Активная атака. При прямой атаке тротил принимает на себя огневую мощь, разумеется, детонируя, и своим взрывом действует по принципу «клин-клином», отталкивая вражеский снаряд. «Молекулярная броня», или «Наноброня» действует похоже – технология противоудара, когда пуля получает встречный удар в виде освобождающейся тепловой энергии от микровзрыва вещества в капсулах, располагающихся в таком бронежилете.

– Откуда ты все это знаешь? – удивился Козлов, по привычке досадуя, что пропустил нечто значимое.

– Последние наноразработки, должен быть в курсе. Да в интернете уже можно найти подобную информацию, просто ты не интересовался. У нас в ФСБ еще нет ни одного образца подобного бронежилета, а у этих молодцов на каждом трупе.

– Если после всего сказанного в СМИ запустят очередную легенду о международном терроризме, я не знаю, что...

– Да погоди ты, – разозлился Корнилов, – без тебя тошно. Я ведь тоже не дурак, сам понимаю, что дела хуже некуда. Вот только понятия пока не имею, откуда могут расти такие могущественные руки. С минуты на минуту жду сигнала с верхов, где мне вежливо предложат забыть об этом деле и наложат на все произошедшее самый засекреченный ярлык.

Иван внимательно слушал товарища, тщательно переваривая информацию. Картина вырисовывалась более чем плачевная. С одной стороны люди-призраки, на которых у государства нет абсолютно ничего, вооруженные по последнему слову техники, с другой, личная охрана президента Чечни. Похоже на столкновение двух противоборствующих сил. И если по вторым все ясно, то принадлежность первых остается загадкой. Больше всего Ивана тревожила новость о якобы подлинных документах. Если автоматы еще можно теоретически достать, используя много денег и влияния, то сделать себе оригинальные паспорта...

Да что себя обманывать, сделать это без ведома властей невозможно! А если подрыв жилого комплекса организовал кто-то с верхов, то это наверняка была только прелюдия к очень большой игре. Иван поймал себя на мысли, что было бы гораздо легче, будь документы под-

делкой. Интересно, разделял ли его мысли Корнилов? Иван решил прямо об этом спросить полковника.

– Думал конечно, – кивнул Корнилов, – вот только очень надеюсь, что мои догадки ошибочны.

– Хотелось бы верить, – согласился Козлов, – но много фактов говорят об обратном. Скажи, были у вас предупреждения о чем-то подобном? О терактах такого уровня?

– Нет, – Корнилов покачал головой, а – много всего было, но что бы кто-нибудь замахнулся на такое!

– А ведь нельзя упрекнуть разведку в плохой работе! На деле получается, что об этом знал только Кадыров, не зря ведь его охрана чудом остановила теракт.

– Это верно. Ребята настоящие герои. Но есть еще один момент, который не дает мне покоя, – сказал вдруг Корнилов, – если бы ты хотел взорвать такой комплекс, как бы поступил?

Иван долго не раздумывал.

– Загнал бы семь машин с взрывчаткой под каждый корпус, дождался ночи, когда все будут дома, и рванул.

– Точно! – ударил кулаком по стене Корнилов. – Все гениальное просто! Для надежности можно машин и побольше нагнать. И на проходной не проверят, если ты жилец, и уйти будет гораздо проще. Тем более, что о готовящемся теракте не знал никто. Так зачем же таким профи взбрело в голову на своем горбу тащить взрывчатку в дом? Можешь себе представить, что произошло с тем, кто находился рядом с чемоданом?

– Каким чемоданом? – не понял Козлов.

– Взрывчатку переносили в чемодане. Так вот, бедолагу, несшего чемодан, разорвало на части так, что мои люди даже место его смерти обозначить не смогли.

– Господи, какой ужас. А почему чемодан вообще взорвался?

– Попадание пули. Возможно шальной. По крайней мере, так предварительно считают эксперты. Но есть еще одно предположение, которое в случае подтверждения может обратиться в настоящее чудо.

– Ты о чем?

– Семь корпусов в комплексе. Семь чемоданов с взрывчаткой в машинах. То есть, по одному чемодану на дом. Представляешь, какая мощь должна быть в нем?! Эксперты полагают, что взрыв предполагался с кумулятивным эффектом, то есть путем его концентрации в заданном направлении. По показанию многих очевидцев, включая случайных прохожих в разных концах района – столб огня поднялся вверх практически на уровень верхних этажей! Можно предположить, что при попадании пули в чемодан, кумулятивный снаряд был направлен в небо. А если бы иначе? Если бы он смотрел в сторону одного из корпусов, мог бы так дать по монолитной опоре, что я даже боюсь загадывать дальнейшее! Одно могу утверждать – жертв было бы гораздо больше.

– Да, это и правда настоящее чудо, что все обошлось именно так, а не иначе, – согласился Иван.

Заиграл телефон. Корнилов ответил на звонок, заметно переменялся в лице, быстро распрощался и пулей выскочил на улицу, так ничего и не объяснив.

Иван лишь понятиво кивнул товарищу, понимая, что государственные тайны не подлежат обсуждению.

Коллеги с нетерпением встретили его на улице.

– Удалось еще что-нибудь узнать? А то здесь больше вообще ничего не выжать, – пожаловалась на ФСБэшников Семенова.

– Все потом, поехали отсюда! Михалыч, – обратился Козлов к водителю, запрыгивая в машину – гони на ленинградку!

– Да что стряслось-то?! – завопили все.

– Говорю же, потом!

Первая информация о трагедии появилась на телевидении буквально сразу после передачи репортажа в студию «Первого Канала». Молниеносно отреагировал интернет, практически все основные порталы. Затем подключилось и радио.

Как раз к моменту поступления шокирующих новостей Артем Быстров ожидал такси, не включая ни телевизор, ни интернет, поэтому на вопрос Макарова о взрыве лишь пожал плечами.

Журналисты заранее предвкушали первые полосы утренних газет, но они еще не знали, что ошибаются. Сенсационная слава достанется другому событию, которое только что произошло за пределами столицы.

И оно буквально сметет своим размахом трагедию в «Воробьевых Горах», как и все другие новости.

Глава 3

Машина оперативной съемочной группы «Первого Канала» неслась по Ленинградскому проспекту в сторону области, нарушая все мыслимые и немыслимые скоростные режимы. Команда телевизионщиков сидела в сильнейшем напряжении, с минуты на минуту ожидая шокирующих новостей из центра, либо от собственных информаторов.

Козлов не зря все детство проиграл в городском оркестре, обладая тончайшим, абсолютным слухом. Конечно, свою роль сыграла глубокая тишина «Галереи» и внутренняя громкость телефона Федора Корнилова, ведь благодаря всем вышеперечисленным причинам Иван смог частично услышать то, от чего так побледнел полковник ФСБ, человек со стальными нервами:

«Солнечногорский район»...

«Состояние №1»...

Больше ничего толком воспроизвести не удалось, и даже в слове «Солнечногорский» корреспондент не был уверен. Вполне могли сказать и «Красногорский» или еще какой-нибудь другой созвучный район – звонивший старался говорить негромко. Зато за фразу «Состояние №1» Иван готов был ручаться.

Раньше, еще когда он работал в Генеральной прокуратуре, они чаще общались с Корниловым, нередко вместе выпивали, вместе водили детей в зоопарк, выбирались семьями за город на шашлыки, в общем, вели нормальную дружескую жизнь. Сама специфика работы сильно давила на психику, а груз ответственности порой превышал все мыслимые человеческие нормы. Иногда нервы, как говорится, зашкаливали, тем более у Корнилова, которого периодически отсылали в командировки по «горячим точкам», и хотелось поделиться проблемами, поплакаться по-мужски в крепкую жилетку товарища. О чем только не говорилось за закрытыми стенами Козловской кухни под сочный вкус домашних грибочков, хруст соленых огурцов и освежающий эффект ледяной водки.

Оба справедливо считали, что по долгу службы посвящены в различные государственные тайны, оба давали обязательство о неразглашении, и оба, так или иначе, были связаны общими узлами работы, пускай и немного разной.

Так чего же скрывать секреты от товарища? Безусловно, большинство сотрудников подобных организаций привела бы в ужас такая откровенность, а узнай вышестоящее руководство о дружеских беседах – проблем не оберешься! Но Козлов и Корнилов были людьми специфическими, совсем не зашоренными служебными установками, секретностью, на многое даже посматривали с юмором. Это качество помогло обоим избежать еще больших нервов, чем было уготовлено работой.

Именно поэтому Иван хорошо помнил, что означает «Состояние №1» для любого сотрудника ФСБ – происшествие высочайшей важности, ставившее под угрозу национальную безопасность. Миллиарды рублей каждый год тратится на создание секретных шифров для спецслужб, а у них – «Состояние №1». Скудоумие!

И что же могло случиться сейчас? Самым безобидным из предполагаемых вариантов в голове Ивана был взрыв ядерной бомбы.

Машина проскочила Химки, углубляясь все дальше в область.

– Что у нас, пока молчок? – нетерпение звукооператора Родинова периодически лопалось, и следовали похожие друг на друга вопросы.

– Тишина, – вздохнула Марина, которая не выпускала телефон из рук, ожидая звонка.

– Солнечногорский район весьма обширен, – сказал Атаров, – едем вслепую, ведь ты даже не уверен в выборе направления.

– Да знаю я, знаю! – вскипел Козлов, нервы которого начали сдавать, – но мы должны рискнуть, а не сидеть на одном месте!

– Успокойся, – примирительным тоном произнесла Марина, – возьми лучше шоколадку, хорошо помогает мыслям, снимает напряжение.

Иван проглотил целую плитку молочного шоколада, почувствовав облегчение. Хотелось немного отвлечься.

– Кофе будешь? – Степан достал горячий термос, наполнив несколько стаканов.

Десять лет работы в прокуратуре не прошло для Козлова даром, и мысли с новой силой забегали в голове. Зачем надо было взрывать такой комплекс, как «Воробьевы Горы»? Кому это нужно было? И главное, что должно было за этим последовать? Зная ответ на последний вопрос, можно было ответить на все остальные.

Единственными, кто мог хоть как-то пролить свет на произошедшие события, были телохранители Кадырова – если не считать самого президента Чечни – но до них сейчас было не дотянуться. В этот момент Иван впервые пожалел, что ушел из органов.

Его отец всегда мечтал видеть в сыне продолжение самого себя, и, будучи крупным партийным работником, всячески продвигал непутевое дитя, дав сначала первоклассное образование, а потом и «золотое» место работы.

Проблемой самого Ивана была неподкупная честность и вера в силу закона, даже такого шаткого, как наш. Сложное время становления новой России просто не могло проходить гладко.

Конечно, многое бывало, о чем память хранила лишь отвращение: и разоблачение так называемых «оборотней в погонах», среди которых оказывались даже ближайšie коллеги, и давление с «верхов», дабы придать определенный оттенок конкретному делу, но все еще можно было стерпеть. Козлов до конца верил, что процесс «ломки» молодого государства наконец-то закончится, но 2003 год положил конец его надеждам.

Осень этого года стала началом уничтожения империи Михаила Ходорковского. А поскольку необходимых фактов для дела особо не набиралось, то прокуратуру буквально поставили раком для достижения своих целей.

Иван прекрасно знал, кто за всем этим стоял – Анатолий Меленков, человек безграничной власти, на которого большинство наших граждан надеялось больше, чем на президента и премьера вместе взятых.

Народное признание, это конечно, хорошо, но ведь прокуратура это вам не девочка на побегушках! Это особняк очень сложного государственного организма, который может действовать только суверенно! И не важно, чьи интересы могут быть при этом затронуты!

Когда же начали процесс против олигарха, поступив с важнейшим институтом власти как с уличной девкой, Козлов не выдержал и двух месяцев, подав в отставку. Он не знал, виновен ли Ходорковский, но отчетливо видел, как в достижении своих целей власть готова растоптать даже принципы действующей Конституции.

Будучи большим любителем истории, Иван часто вспоминал самый громкий судебный процесс конца девятнадцатого века, выявивший тотальную коррумпированность и полную неспособность прогнившей системы власти действовать в рамках закона. Правда, происходило это во Франции, и в мировой истории осталось известно как дело Альфреда Дрейфуса, французского офицера, обвиненного в шпионаже в пользу Германской Империи. Власть намеренно отвергала факты в пользу Дрейфуса, не брезгуя такими действиями, как фальсификация и подлог ложных доказательств против обвиняемого, намеренно укрывая от удара истинного виновника-шпиона офицера Эстергази. Военный министр, Генштаб, почти все военное сословие, судьи, все действовали заодно.

За семь лет этого позора и кошмара для Дрейфуса дело произвело колоссальный общественный резонанс, практически разделив тогдашнюю Францию на сторонников и противников обвиняемого офицера.

К исторической славе можно сказать, что правда в итоге восторжествовала, и Дрейфус обрел долгожданную свободу, но процесс раскрыл столько государственных язв, что до сих пор остается самым позорным пятном в истории Франции.

Для Козлова таким пятном стал процесс Ходорковского. Конечно, опальный олигарх мало походил на офицера французской армии, и, возможно, был в большей степени замешан в делах, за которые полагалась уголовная ответственность, но факт остается фактом – в обоих случаях власть готова была пойти на все ради достижения своих целей.

Если говорить откровенно, то на самого Ходорковского Ивану было глубоко наплевать. Он вообще ненавидел всех наших олигархов, наблюдая за тем, как горстка поднявшихся чело-вечков быстренько прибрала к рукам все национальное богатство, оставив страну без гроша в кармане. Разумеется, не будь на то воли суверенной власти, повернуть подобное было бы весьма проблематично.

Но, положа руку на сердце, Козлов еще мог верить и надеяться в силу и независимость родной прокуратуры – ведь как один из институтов государства, она была в определенной мере самостоятельна! Это доказывает тот факт, что даже опального Генерального Прокурора Юрия Скуратова президент не мог просто так снять с поста. А ведь Юрий Ильич – сразу после дефолта 1998 года – начал расследование деятельности 780 крупных государственных чиновников, которые подозревались в игре на рынке ГКО (государственных облигаций) с использованием служебного положения. Среди них было множество молодых реформаторов, известных своей близостью с семьей президента.

Тогда прокуратура еще могла показать клыки. Именно поэтому пришлось создавать пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, развлекался с двумя проститутками, и пускать затем ее на центральные телеканалы. Позорище!

Ивана всегда удивлял тот факт, что даже сто лет назад в Европе беззаконие власти могло спровоцировать негативную реакцию общества, а ведь на дворе веком информации и не пахло!

В наше же время, когда технологии каждый год достигают порог очередного прорыва, и любой человек может при желании получить доступ к любому событию, так или иначе влияющему на жизнь страны – общество в целом ведет себя как сторонний наблюдатель, действуя старинному русскому принципу «моя хата с краю».

Взрывают жилые дома, захватывают заложников посреди Москвы, про события, подобные Беслану вообще вспоминать не хочется – терпеливый народ вздыхает, сочувствует, но молчит и не лезет на рожон.

«А что ты собственно хочешь, чтобы он делал?» – пронеслось в голове.

Видимо, шоколад сыграл свою роль, спровоцировав усердную работу мозга. Иван даже подскочил от неожиданной вибрации и сразу не смог понять, что произошло.

– Телефон! – вскрикнула Марина, – твой телефон!

Правда, это был телефон, стоящий на режиме вибро-звонка. Иван с жадностью схватил аппарат, и не думая смотреть на номер. Все мысли моментально переключились на работу. За минуту разговора вся кровь отхлынула от лица, придав Козлову мертвецкую бледность.

– Что там!?! – общий возглас облетел микроавтобус, едва Иван отключил аппарат.

– Если бы мне сообщили о начале революции, я был бы меньше потрясен. Дамы и господа, полчаса назад взорвали кортеж Голиафа...

Анатолий Петрович Меленков, прямой потомок по матери легендарного Григория Потемкина-Таврического, фаворита Екатерины Великой, унаследовал у прадеда не только острый ум, звериное чутье, неизменную интуицию, не менее выдающуюся жизнь, но и прозвище *Голиаф*, хотя был вполне зряч на оба глаза. Правда Потемкин не обладал и десятой доли того могущества, которым был наделен его выдающийся потомок.

В свои шестьдесят пять Меленков негласно контролировал российскую финансовую систему, был одним из тех, под чьим влиянием вершилась вся европейская политика, и мог выбить на нужды государства практически любой кредит, который могли напечатать денежные станки «Госзнака» и многие другие станки.

По его инициативе российская банковская система до сих пор находилась за «железным занавесом», верша собственную политику по выдаче кредитов, ипотеке, и всему прочему, и даже возможное вступление страны в ВТО не изменило бы действующих порядков.

Бывший руководитель КГБ, возглавивший в девяностых его уничтожение; руководитель службы Внешней Разведки новой России; Министр Энергетики; председатель Центрального Банка; Министр Иностранных Дел, с 2001 года оставивший государственную службу, возглавив собственную компанию «Голиаф», крупнейшую транснациональную корпорацию мира, реализовавшую проекты государственного масштаба.

Для большинства граждан Меленков олицетворял защитника и благодетеля, честного и неподкупного человека, неустанно трудящегося на благо общества. Во многом это представление было следствием работы средств массовой информации, подконтрольных Меленкову, и реализация собственных проектов, носящих в себе смысл «на благо народа». Последним из таких, с одобрения действующей власти, было создание целого подмосковного города для малоимущих и людей, стоящих в очередях за предоставлением государственного жилья.

Самый грандиозный проект новой России носил название «Новый свет», занимал территорию в десять квадратных километров, находился в двадцати пяти километрах к западу от Москвы, и был рассчитан на создание семидесяти небольших комплексов для размещения более трехсот тысяч малоимущих граждан. Десятки подрядчиков боролись за право строительства отдельных проектов, к которым в обязательство входило также обеспечение полной инфраструктурой: школ, детских садов, социальных и муниципальных служб и многого другого.

Мало кто в мире знал, что львиную долю средств на реализацию такого проекта выделил один из крупнейших американских банков «Леман Бразерс» за полгода до своего нашумевшего банкротства. Разумеется, колоссальная сумма прошла весьма интересное кругосветное путешествие, побывав на сотнях счетов в разных странах, прежде чем добраться до точки истинного назначения.

Сам же «Новый Свет» был запущен через три месяца после начала мирового финансового кризиса, словно в доказательство нерушимости российской экономики и устойчивости «народных программ», на что было дано личное одобрение президента и премьер-министра.

Охрана Меленкова состояла из сотрудников самых засекреченных силовых структур страны, его кортеж мало чем отличался от президентского, а в момент его передвижения по городу и области перекрывали улицы и трассы. Разумеется, все это противоречило действующему законодательству, но Меленков не зря часто вспоминал фразу Рокфеллера: «Дайте мне в руки печатный станок, и мне будет плевать на тех, кто издает законы».

Микроавтобус съемочной группы «Первого Канала» летел по трассе на всех скоростях, словно подгоняемый произошедшей сенсацией.

– Мы должны быть первыми! – повторяла Семенова, – на базе готовность номер один, сразу же переключают идущие передачи для экстренных новостей, едва получают информацию!

– Какие там передачи, – вздохнул Атаров, – уже пятнадцать минут как начался футбольный матч Россия-Словения.

– Точно! – восторженно воскликнул Родонин, – а я же собирался разбиться в лепешку, но вырваться на игру.

– Ничего, расслабься, – осадила его Семенова, – у нас тут зрелище получше ожидается. Михалыч! – окликнула она водителя, – ты там в полете куда лететь-то не забыл?

– Прямо по трассе, сразу за поселком Пешки, не доезжая нескольких километров до Солнечногорска! – отчеканил тот. – Да там наверняка сейчас такое шоу, что мимо не проскочим.

– Долго еще?

– Минут десять, не больше.

Иван Козлов сидел молча, до сих пор не в состоянии поверить в то, что услышал по телефону. Столько трагических происшествий за один день еще не происходило за время его работы. Голова шла кругом.

Сразу за Пешками трасса была перекрыта стянутыми подкреплениями ОМОНа. Посреди дороги стоял неведомо откуда пригнанный бронетранспортер. На лицах бойцов читалось нескрываемое удивление таким скорым приездом прессы, но к счастью, долго пререкаться не стали – проверили документы и пропустили за кордон.

– О Боже, – вырвалось у Козлова, едва впереди показались остатки бывшего кортежа Меленкова.

Зрелище шокировало – обгоревшие части бронированных машин были раскиданы по всей дороге, кое-где лежали трудно узнаваемые, изуродованные тела телохранителей, повсюду веяло смертью. И даже наличие множества машин милиции и скорой помощи не меняло общей картины. Отрезок трассы сразу за Пешками несколько километров не освещался вообще, поэтому сотрудникам оперативных групп пришлось привести дополнительное освещение. Две полосы дороги в обе стороны разделяли стальные ограждения, сейчас снесенные. Трагедия произошла на стороне, ведущей в область.

Группа «Первого Канала» быстро мобилизовалась. Атаров схватил камеру и бросился в самую гущу событий, с жадностью захватывая трагические кадры. Козлов надеялся найти знакомые лица, потому как местные оперативники молчали как истуканы, с упрямством баранов повторяя одни и те же «без комментариев», но ни Корнилова, ни кого-либо другого из знакомых на месте происшествия не было. Водитель сразу же занялся настройкой спутника по указанию выпускающего редактора Семеновой. На базе с нетерпением ждали информации, то и дело названивая Марине.

Иван уже отчаялся добиться хоть какого-то описания картины произошедшего, решив разобраться во всем самому, и только тут с ужасом обратил внимание на обгоревшие, сильно деформированные машины сопровождения. От людей, находившихся в них, и попавших, по всей видимости, в безжалостную мясорубку, мало что осталось, а останки не было возможности извлечь из-за сильной деформации бронированных машин, поэтому оперативники ждали приезда специальной машины со сварочным аппаратом.

Четыре джипа «Гелендваген», словно побывавшие под большим прессом, были раскиданы по краям дороги. «Пульман» Меленкова перевернуло и отнесло чуть дальше.

По центру дороги лежали останки еще одного автомобиля, скорее всего не из числа машин сопровождения, судя по противоположному направлению. Конечно, машину могло и перевернуть, но даже своим ярко-красным цветом – уже сложно узнаваемым – она явно не вписывалась в общую картину.

Когда Иван прошел чуть ближе, то по некоторым деталям сумел определить марку – это тоже был «Мерседес», только разорвало просто невероятно. Среди обломков кузова Козлов разглядел остатки странного устройства, внешне напоминавшие многоствольный пулемет из фильма «Терминатор», с которого герой Шварценеггера браво лупцевал полицейских.

«Миниган, – вспомнил название пулемета Козлов, – вот только странный какой-то, более узкий, а диаметр стволов наоборот больше. Судя по всему, с таким калибром можно и на танк».

Похоже, что живыми очевидцами происшествия здесь и не пахло.

Немного дальше кортежа героически «погибли» четыре машины сопровождения милиции, своими пулевыми отверстиями напоминающие кухонный дуршлаг. Иван с содроганием

вспомнил «пулемет Терминатора». В остальном же картина тут мало чем отличалась от всего прочего.

Осмотрев бегло еще раз место трагедии, Иван пришел к выводу, что подобное мог спровоцировать только мощнейший взрыв. Он был слаб во взрывчатках, хотя и старался со временем заполнить этот пробел. Знал только, что пластид обладает наибольшей мощностью. Конечно, все могло уже измениться – время-то летит, и с каждым годом человечество изобретает все новые орудия уничтожения себе подобных. Но все же, если отбросить догадки, разве может взрывная волна, пусть даже очень сильная, сотворить такое с целым кортежем бронированных машин? Не оставив после себя ничего живого?

Иван не хотел больше смотреть в сторону кортежа, зная, что такая ужасающая картина долго не оставит сознание, но все же пришлось.

Останки разорванного «Мерседеса» говорили о том, что именно эта машина была переносчиком смертоносной взрывчатки, если версия Козлова подтверждалась. Иван услышал под ногами странный скрежет, словно металл терся об асфальт. Он немного отошел и посветил маленьким фонариком, что всегда висел на брелке с ключами. Автомобильный номер. Что-то странное было в нем, и Иван сразу не смог сообразить, что по размерам номер короче и выше стандартного, по американскому образцу. Он осторожно перевернул носком ботинка номер, но к своему удивлению не обнаружил там цифр. Только слово, точнее имя: «ПЛАТОН».

– Как успехи, следопыт? – от неожиданности Козлов чуть не подпрыгнул на месте. Сзади стоял Корнилов. Вид у полковника был мрачноватый, и если он и удивился столь скорому появлению старого друга, то виду не подал. – Хороший слух.

– Ты о чем? – искренне удивился Иван. Его мысли были полностью загружены увиденным.

– Да так, – Корнилов ехидно улыбнулся, но как-то слабо, словно выдавил из себя. – Не удивлен тому, как вас пропустили?

– Очень удивлен, – признался Иван.

– Я ждал тебя, поэтому дал указание, так что с «Первого Канала» причитается. Ну рассказывай, до чего додумался?

Козлов помедлил.

– Версия только одна. Вот эта хреновина, – он указал на остаток красного Мерседеса, – начиненная по самую крышу взрывчаткой, протаранила кортеж. Больше добавить нечего, можешь сам посмотреть.

– Что-то много взрывчатки для одного дня, – вздохнул полковник, – но тут я с тобой соглашусь. В целом картина понята правильно. Перед нами то, что осталось от машины Платона Самсонова. Слыхал о таком?

– Конечно! – Иван с удивлением поглядел на останки Мерседеса, словно увидел его впервые, – несколько месяцев назад даже брал у него интервью. Самсонов был ближайшим сторонником Меленкова. Как такое могло произойти?

– Понятия не имею! – развел руками Корнилов, который сам уже не раз задавал себе подобный вопрос, – возможно, мы что-то упустили, и в могучем дубе Голиафа завелись черви.

– Федор Викторович! – подбежал молодой помощник Корнилова, – вас к телефону! Первая линия!

– Кто? – нахмурился полковник.

– Премьер-министр, сэр.

Игорь Минаев, внук генерала Минаева, больше всего на свете любил читать, и уделял этому занятию все свое свободное время. Последние месяцы были посвящены классикам английской литературы, поэтому иногда по растерянности, иногда как сейчас, в период большого волнения, он мог обратиться к полковнику «сэр». Корнилов же обычно подтрунивал над парнем, но сейчас пропустил мимо ушей иноземное обращение.

– Федь, подожди, – чуть слышно сказал Козлов Корнилову, когда последний практически принял позу низкого старта, и кивнул в сторону красного Мерседеса. – Там был... в машине... Самсонов?

– Тут во всех машинах такой фарш, прости Господи, – ответил Корнилов, – что без анализов ДНК, боюсь, не разберемся. Правда, кое-кого еще можно будет определить по отличающимся признакам, но по Самсонову у нас практически ничего нет, будем выяснять. Хотя даже если чего и было бы, то от водителя этой горе-машины практически ничего не осталось, сам видел.

И полковник устремился к телефону.

– Скажешь пару слов на камеру! – окликнул его Козлов.

– Уговорил! Только на звонок отвечу!

– Вань! – догнала корреспондента Семенова, – у нас все готово, сейчас будем вклиниваться в эфир! Готовь речь!

Козлов моментально переключился на работу, достал свой блокнот, делая быстрые наброски. И не смотря на то, что он находился сейчас в крайне невыгодном положении: времени в обрез, фактов по делу очень мало, в основном догадки – текст ложился вполне достойно. Приходилось импровизировать, избегать собственных соображений, чем Иван сейчас и занимался, сидя на металлических ступеньках микроавтобуса.

Сателлит уже передавал запись Атарова в студию «Первого Канала». Родонин отстраивал звук.

– У нас все готово! – Через пару минут сообщила Марина, – в студии тоже! Катя выходит в эфир через минуту тридцать секунд! Всем по местам!

– Вань, я готов, – сказал Атаров, поднимая камеру, – крупный план по всем правилам.

– Да-да, я почти, сейчас закончу, – откликнулся Козлов.

– Минута пятнадцать! – напомнила Марина.

Спустя минуту она уже отсчитывала по секунде. Все были на своих местах, по открытому каналу со студии сообщали о полной готовности.

– Восемь, семь, шесть, Олег включайся! Четыре, три, две, одна, поехали!

Глава 4

– В эфире Экстренный выпуск новостей, в студии Екатерина Андреева, здравствуйте.

Только что нам стало известно о покушении на президента компании «Голиаф», бывшего Министра Иностраных Дел Анатолия Меленкова, чей кортеж был подорван на Ленинградском шоссе сразу за поселком Пешки Солнечногорского района. С места событий передает наш собственный корреспондент Иван Козлов.

На экране справа появился Козлов.

– Добрый вечер Иван.

– Здравствуйте Катя! Все, что вы видите за моей спиной, не является сценой для современного боевика (пошли кадры отснятого материала оператора Атарова). К сожалению, это трагическая реальность. Реальность, унесшая жизни по меньшей мере тридцати человек, не оставив в живых никого. По словам оперативников – машина, начиненная взрывчаткой, протаранила кортеж Анатолия Меленкова, двигавшийся на солнечногорский военный полигон. По предварительным данным, автомобиль (крупным планом останки красного Мерседеса), ставший виновником этой трагедии, принадлежал бывшему руководителю аналитического центра, ныне члену совета директоров управляющей компании «Голиафа» «Первый Элемент» Платону Самсонову. (Фото Самсонова в верхней части экрана) Что заставило молодого, успешного руководителя, ближайшего сторонника Анатолия Меленкова, совершить столь чудовищный, бесчеловечный поступок, является большой загадкой для всех. Но это лишь один из множества вопросов, на которые предстоит ответить следствию. Нам же удалось задать пару из них заместителю руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, полковнику Федору Корнилову. (Камера вернулась к Козлову, рядом с которым стоял Корнилов). Федор Викторович, расскажите, что удалось узнать к настоящей минуте о трагедии.

– Здравствуйте, – начал Корнилов, – как вы уже рассказали, кортеж Анатолия Меленкова был подорван автомобилем, начиненным взрывчаткой. В данный момент эксперты выясняют количество и наименование взрывчатого вещества. Вполне возможно, что был применен пластид. Сам же автомобиль Самсонова, с мигалкой и номерами московской администрации проехал в Солнечногорск со стороны малого кольца, так называемой бетонки, и направился на встречу двигавшегося кортежа Анатолия Меленкова, беспрепятственно миновав выставленные кордоны милиции. Большинство жертв трагедии, в том числе Платон Самсонов и Анатолий Меленков, не поддаются опознанию, поэтому в скором будущем будет проведена соответствующая экспертиза. Тем не менее, у нас нет причин полагать, что на их месте могли находиться другие люди. На данный момент это все, что удалось узнать.

– Скажите, есть ли, по-вашему, связь между покушением на Анатолия Меленкова и попытке подрыва жилого комплекса «Воробьевы Горы», что произошла накануне?

– Не могу и не хочу строить своих предположений, – нахмурился Корнилов, ожидавший подобного вопроса, – на первый взгляд это две, никак не связанные между собой трагедии. Остальное предстоит выяснить следствию.

– Спасибо большое! – интонацией Иван дал понять, что вопросов больше не последует, – напоминаю, что с нами беседовал заместитель руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом полковник Федор Корнилов.

(В телеэкранах снова пошли кадры взорванных машин). Сможет ли официальное расследование найти ответы на все вопросы, покажет время. Иван Козлов, Олег Атаров, Степан Родонин, Марина Семенова, с места происшествия специально для «Первого Канала».

– Спасибо Иван, – попрощалась с корреспондентом Екатерина. – Как нам стало известно, президент России Дмитрий Медведев уже связался с Генеральным Прокурором Юрием Чайкой, пожелав, чтобы следствию было придано самое пристальное внимание. По мере поступ-

ления новых новостей, служба «Первого Канала» будет знакомить вас с ними. В студии была Екатерина Андреева, до свидания!

– А я все равно не верю, что Платона больше нет, – неузнаваемым от хрипоты голосом произнес Артем Быстров, опрокинув очередную рюмку водки.

Сразу после роковых новостей друзья покинули ресторан, отправившись на квартиру Быстрова, где решили посвятить оставшуюся ночь воспоминаниям о друге.

Даже сейчас, сидя в своем широком, комфортабельном кресле, Артем не мог забыть выражения лица Макарова после сообщения о трагедии. Лицо словно онемело, кровь отошла, придав коже бледный оттенок, и лишь глаза жили, отражая отблески света, но сколько боли и отчаяния было в них, словно эти два чувства полностью охватили все существо Макарова. На самом деле, так оно и было, и внешне Быстров мало чем отличался от друга.

Вот уже два часа они одиноко сидели возле окна в гостиной, грустно смотрели на ночной город, и отчаянно пили, испытывая такой дикий страх, что буквально прижимались друг к другу. Пусть говорят, что настоящие мужчины не плачут, это все бред – после первых рюмок друзья рыдали взахлеб, выглядя гораздо хуже, чем Рассел Кроу из фильма «Гладиатор» в сцене с убитой семьей.

– И хоть убей ты меня, – сотый раз повторялся Макаров, – я ни хрена ничего не понимаю! Зачем было Платону взрывать себя и целый кортеж! Меленков же был для него вторым отцом!

– Согласен, – в сотый раз кивал Быстров, – все как в бреду. Может, мы просто перепили с тобой, и все это понарошку? Может, Платон просто не смог приехать?

– Кончай пороть ерунду! Ты видимо, правда перебрал, – с грустью заметил Макаров, – я хотел бы всей душой поверить, что так оно и есть, да не могу! У меня еще белая горячка не наступила! Мы все слышали своими ушами, видели собственными глазами!

Машина Платона, ее показали раз десять крупным планом! Эх, эта чертова машина!

– А что с ней? – удивился Быстров, уловив в интонациях друга непонятные нотки.

– Да странная она какая-то была, словно могла как-то влиять на Платона.

– Чего-чего?! Кусок дорогого железа мог влиять на человека? Стивена Кинга начитался или просто покурил перед игрой?

– Да говорю же тебе, – продолжал гнуть свое Макаров, – после ее появления Платона как подменили. Ты просто мало его видел в последнее время.

– Шел бы ты в баню, – обиделся на друга Быстров, направившись к холодильнику за очередной бутылкой ледяной водки, продолжая бурчать по пути, – машина у него волшебная. Ты еще скажи, что это она подговорила взорвать Голиафа.

– Ладно, прости, – сдался Сергей, – я может, и правда перебрал лишнего. Голова кругом идет от всего этого. Просто не могу понять, как такое могло произойти.

– Не ты один, – согласился Артем, открывая бутылку, – давай свою рюмку, или больше не будешь?

– Лей-лей, и принеси еще капусточки, пожалуйста. Блин, как вспомню новый год, – слезы новой волной накатили на глаза и Макаров безуспешно пытался остановить очередной приступ рыданий.

– Да-да, в загородном доме Платона, – подхватил друга Артем, – помню, он еще говорил, что устал от постоянного одиночества, в которое загнал себя сам, боясь вновь потерять семью. Он говорил, что обязательно посвятит свои мысли в новом году только семье, и попытается вновь обрести свое счастье, найти спутницу жизни.

– А еще он говорил, что первым делом заделает с будущей женой ребеночка, первенца!

– Ага, – кивал Сергей, – а ведь у него даже женщины на примете не было, с которой хотелось бы создать все это!

– Мысли, как говорил Платон, притягивают, стоит только захотеть. Эх, братишка дорогой, как же нам будет тебя не хватать.

– А вдруг... он все же не умер. Ну, я имею в виду, вдруг это был не он!

Первый раз Макаров сделал такое предположение еще в такси по дороге домой, но был резко раскритикован Быстрым. Сейчас же Артему эта мысль не показалась столь невероятной. Что способствовало этому, спокойствие мыслей или количество выпитого алкоголя – осталось загадкой. Сергей воспользовался замешательством друга, продолжив гнуть свою линию.

– По новостям же сказали, что трупы не поддаются опознанию, по крайней мере, на первый взгляд! А вдруг... мы ведь можем просто предположить, что Платона там не было?

– Предположить-то мы можем, – нехотя согласился Быстров, – вот только что нам даст такое предположение? Надежду, что Платон жив и ходит ногами по нашей земле? Хотя, это тоже неплохо.

– Надо будет принять участие в расследовании, – после минутного молчания продолжил Макаров, – по крайней мере, в той части, что связана с Платоном. И если вдруг выяснится, что наш друг действительно подорвал целый кортеж вместе с собой, похоронить его со всеми почестями.

Быстров лишь кивнул в знак согласия, не в состоянии больше вымолвить слово – большой ком снова накатил под самое горло.

– Давай отвлечемся немного, – предложил он чуть позже, справившись с собой. – Поговорим о хорошем, ну, в смысле, о том хорошем, что нас связывало с Платоном, а то от напоминания о трагедии у меня скоро крыша поедет!

– Ага, – поддержал друга Макаров, – я тут полностью солидарен, наливай. За Платона! Они выпили.

– Пару месяцев назад Платон помог спасти мне мой бизнес, да и меня самого, пожалуй, – начал с «хороших» воспоминаний Макаров.

– Ты это об истории с Вороновым? Вором в законе?

– С ним с голубчиком, с ним, – подтвердил Сергей, – хотел подлюка все отобрать у меня, если в течение недели не принесу ему бессовестную сумму денег. А все из-за того, что я морду разбил его сыну, такому подонку, что отцу еще поучиться надо.

– Да-да, ты говорил – парень сбил на машине несколько человек на автобусной остановке, а потом еще вышел и учинил драку с пострадавшими, будто они были виноваты, что стояли там и ждали транспорт.

– Подонок был еще чертовски пьян...

– За что ты сломал ему нос и изрядно попинал, – закончил за друга Быстров.

– Да, согласен, не совсем гуманно, да и нос я ему ломать не хотел, сам знаю, как все это противно. Просто не рассчитал, настолько был зол. Так этому подонку даже ничего не предъявили, как я узнал позже, даже прав не забрали продажные твари! Зато его отец мне предъявил такой счет, что проще было продать контору с потрохами. Если бы не Платон, сидел бы я сейчас под забором, и было бы хорошо еще, чтобы в добром здравии.

– Да, разобрались с вором тогда тоже жестоко. Насколько там его засадили?

– На пару жизней хватит, – махнул рукой Макаров, – я помню, тогда еще подумал, не дай Бог мне когда-нибудь оказаться врагом Голиафа. Это ж ведь он прихлопнул Воронова как надоедливую муху.

– Нет больше Голиафа, как и нашего...

– Хватит! Договорились же не вспоминать!

– Прости, – извинился Быстров. – Ты жене-то своей сообщил, что у меня?

– Еще в ресторане звонил. Новости она уже смотрела, так что лишних вопросов задавать не стала.

– Понятно.

Артем поднялся и сходил в спальню за фотоальбомами, с трудом передвигаясь по прямой. Сергей, прочитав мысли друга, принялся расчищать стол от заставленной еды и закусок, аккуратно положив туда первый из принесенных альбомов.

– Смотри, это у твоего бати на даче, под новый год, помнишь? – открыл первую страницу Быстров, на которой была фотография троих друзей, стоявших в обнимку на фоне заснеженных деревьев. – Знатная была банька у Михаила Олеговича!

– Еще бы! Лучшая баня, в какой я когда-либо был! А я много где бывал. Мы как раз тогда с Платоном...

И понеслась беседа по лабиринтам памяти, петляя в них часа два, не меньше, и неслась бы дальше, как вдруг...

Неожиданно зазвонил телефон. Друзья вздрогнули как от удара грома, пытаясь сообразить, что за посторонние звуки вторглись в их уединенные воспоминания.

– По-моему, это телефон, – после пятого сигнала определил Макаров.

Быстров кивнул, направившись к аппарату.

– Алло! – ответа не последовало, в трубке отдаленно играла музыка. – Алло, говорите же! – музыка не прекращалась, но никто не ответил. – Ну и пошли в жопу! – отключился Быстров. – У людей горе, а они играют, суки! – И для верности выдернул телефон из розетки.

Вернувшись в родное кресло, Быстров опрокинул очередную рюмку, зажевал квашеной капустой, которую неумело выудил из тарелки рукой, обливая каплями рубашку и штаны, и устался в окно. Повисла тишина, минут пять наполнявшая комнату, а потом послышался слабый храп.

Глава 5

Скорый поезд «Красная Стрела», назначением «Москва – Санкт-Петербург», покинул пределы столицы и устремился в область, пробивая светом непроглядную мглу. Машинисту сообщили, что все пути в порядке, и можно набирать необходимую скорость.

Дело в том, что двумя часами ранее Москву уже покинул самый быстрый поезд двух столиц «Сапсан», подобно одноименному соколу развивая скорость в триста пятьдесят километров, и неся за собой целые вихри снежного потока, который со стороны напоминал горизонтальное торнадо. Пассажирам на платформах областных станций заранее советовали отойти подальше от путей, дабы не поддаваться действию идущей вслед за поездом волны. Все бы хорошо, но отечественные пути не были готовы к такому натиску современных технологий (хотя в России поезд развивал не больше двухсот пятидесяти километров в час), и по слухам, после каждого такого полета некоторые, особо проблемы участки путей приходилось поправлять.

Сейчас же все было отлажено, и машинист «Красной Стрелы» вздохнул с облегчением, медленно двигая вперед рычаг скорости.

Вагон-ресторан был необычайно оживлен для этого времени, словно все пассажиры решили отвлечься от собственных проблем, и обсудить общественные за кружечкой пива или чашечкой кофе.

А тем для обсуждения на сегодняшний вечер было в избытке – недавний террористический акт в жилом комплексе на западе Москвы и взрыв кортежа всеми известного Анатолий Меленкова по прозвищу Голиаф, а также крупный пожар в здании башни Федерация на территории Москва-Сити, о котором сообщили совсем недавно. Вдобавок ко всему, сборная России провалила решающую для всей страны игру, распродавшись с путевками на чемпионат мира, и многих это событие убивало гораздо больше, чем все взрывы и покушения вместе взятые.

Одинок сидевший мужчина в самом конце вагона медленно потягивал зеленый чай, уставившись в окно, никоим образом не разделяя настроения остальных пассажиров. Поражение сборной, несомненно, удручало, а первые два инцидента, к которым мужчина имел непосредственное отношение, больше его не интересовали.

Ростом он был выше среднего. На вид лет не более сорока лет, с прямой, гордой осанкой уверенного в себе человека. Холодный взгляд больших карих глаз хорошо сочетался с волосами цвета вороньего крыла, убранными назад. Правильные черты лица, нисколько не испорченные временем – красивый прямой нос, слегка пухлые, чувственные губы, волевой подбородок – лишь дополняли общую картину. В этом человеке было все, чтобы расположить к себе, если бы не убийственно-холодный взгляд и вся внешняя аура, словно говорившая желающим подойти держаться подальше. Мало бы кто признал сейчас в сидевшем одиночке Платона Самсонова.

Да и сам он с трудом смотрелся в зеркало, хотя кардинальных изменений во внешности не произошло – всего-то поменяли прическу и цвет глаз при помощи линз, но на первое время этого оказалось достаточно, тем более что Самсонов не так часто светился на телеэкранах страны.

Платон прекрасно понимал, что в самое ближайшее время эксперты обнаружат, что в машине его не было, благодаря анализу ДНК всех, кто попал в ту мясорубку. И хотя у Платона не было живых родственников, с которыми можно было сверить полученные данные, образец его ДНК находился в специально оборудованном хранилище одной из структур «Голиафа», на случай непредвиденных обстоятельств, таких, как например авиакатастрофа...

«Или подрыв собственного босса».

После обнаружения правды на поиски пустят всех собак, подключат все самые засекреченные структуры. Наверняка сам премьер-министр даст указание доставить Самсонова живым или мертвым.

Но Платон очень надеялся, что успеет к тому времени покинуть страну. Пятнадцать миллионов евро, мирно ожидающих его в хранилище Национального Банка в Дубае, не Бог вещь какая сумма, но начать новую жизнь хватит.

Как быть дальше, Платон старался не думать. Главное сейчас – остаться в живых. Он не строил особых иллюзий по поводу возможностей русской разведки, которая и зарубежом при необходимости могла найти иголку в стоге сена, но, тем не менее, надеялся максимально запутать свой след.

Сейчас же Платону больше всего на свете хотелось услышать голоса дорогих сердцу людей, ощутить хоть какую-то поддержку, но это было невозможно. Телефон, как и все оригинальные документы – паспорт, права, страховка, даже свидетельство о рождении – погибли вместе с машиной. Так было надо.

За соседний столик уселись два молодых парня, горячо обсуждающих последние новости.

– А я тебе говорю, что его взорвали свои же! – доказывал первый, видимо, имея ввиду Меленкова, – просто перешел дорогу не тем, кому надо!

– Ты чего, Коль, больной? – оспаривал его второй, – это же Меленков! Кому он мог дорогу перейти? Каким-нибудь подонкам из нашей власти? Я передачу про него смотрел, человек всю жизни свою посвятил на благо народа...

Платона передернуло.

– Да шел бы ты со своей передачей, – словно почувствовав негодование хмурого субъекта за спиной, возразил Коля, – Не верю я всему, что говорят по ящику. Сам товарищ Сталин говорил... блин, не помню точно, но смысл один – все, что по телеку, все ложь.

– Ну тогда извини, – развел руками собеседник, – других источников, как говорится, не имею.

– А ты читай между строк! Мне отец всегда говорил...

Платон вставил наушники, пытаясь настроить приемник на какую-нибудь волну, лишь бы не слушать ожесточенного спора. Плеер-радио японской фирмы «Тошиба», подарок Быстрова – единственное, что Платон оставил с собой из прошлой жизни. Он с грустью подумал о друзьях.

Быстров и Макаров, хлебнувшие горя в раннем детстве, по-настоящему умели ценить дружбу, да и просто были замечательными людьми. Опасаться за них не стоило – Платон был уверен, что сторонники Голиафа не станут мстить его друзьям. Да и какие там сторонники – ни одной достойной кандидатуры, хоть издали напоминавшие острый ум и харизму Меленкова! В скором времени вся империя рухнет, как после смерти Александра Македонского и многих других выдающихся людей.

Даже сейчас Платон осознавал, какого человека загубил. Но так было необходимо, поскольку выдающиеся гении, выходя за рамки своей природы и обретая нечеловеческую власть мирового масштаба, становятся самыми злостными тиранами, рискуя привести все человечество к гибели.

Сквозь шипящие помехи прорезалась какая-то радиостанция.

– ... доктор экономических наук, автор восьми монографий, более двадцати книг и десятков научных статей, Анатолий Меленков был для всех нас признанным тягачом...

Платон продолжил поиск, но безуспешно – видимо проезжали проблемный участок пути.

Парни за соседним столиком тем временем уже сменили тему, перемывая кости футбольным игрокам и потягивая пиво.

– Да говорю же тебе, продали игру! Продали страну, суки! Продали народ! Ты что, не видел, как они по полю бегали?! Да мы двором лучше отыграли бы! Продали! Продали! Продали!

Платон сложил плеер, покинул вагон-ресторан и направился в свое двухместное купе, которое скупил целиком. Общаться, да и вообще находится с кем-нибудь в одной компании, было выше его сил.

Дойдя до нужного вагона, Платон осмотрелся по сторонам – восемь двухместных купе, нужно восьмое, самое последнее, рядом с туалетом и выходом в тамбур. И хотя эти сведения вряд ли чем помогли, случись врагам найти его, память четко сохранила полученную информацию.

Закрыв дверь своего купе, Платон оказался в полнейшей тишине – звукоизоляция впечатляла. Две поднятые спальные полки, две плазменные панели телевизора над каждой, радио. На опущенном столике рядом со стандартным набором еды и питья лежали пульты управления.

За окном мелькали слабоосвещенные крыши небольших домиков, видимо, проезжали какую-то станцию.

Разобрав левую полку, Платон сел у самого окна. Рука автоматически опустилась на правое бедро, нащупав пристегнутый к ноге «Хамелеон», уникальный пистолет изобретателя Алмазова. Оружие очень сложно было обнаружить из-за его миниатюрных габаритов, разве что только при тщательном обыске, что в поездах если и случалось, то в самых редких случаях.

Сами стальные конструкции находились внутри такого слоя тончайшего алюминия, которого было достаточно для невозможности просвета стандартными рентгеновскими лучами.

Правда, в аэропорту это все равно не помогло бы – техника серьезная, просветит наверняка. На этот случай «Хамелеон» быстро разбирался и трансформировался в набор далеких от насилия предметов – магазин переоборудовался в узкий портсигар, пули (с виду похожие на пилюли) при этом складывались в специальные ячейки новейшего японского препарата, превращаясь в лекарственные средства; сам ствол превращался в миниатюрную, антикварную подозрительную трубу, даже линзы имелись.

Из-за всего этого «Хамелеон» выглядел весьма комично с виду, но был отличным оружием ближнего боя – высокая скорострельность, калибр пуль (5 в магазине) приближенный к девяти миллиметрам, высокоточное попадание до семидесяти метров! Разумеется, специально сделанные пули было не достать, но в случае их отсутствия «Хамелеон» отлично стрелял и стандартными девятимиллиметровыми.

Платон смотрел в пустое окно, за которым вот уже десять минут не встречалось ни одного фонаря, и думал, правильно ли поступил, отправившись в Питер. *Настя* строго предупреждала об опасности лететь из Москвы.

«Все столичные аэропорты по самую крышу наполнены агентами Голиафа, – говорила она, – дабы контролировать основной поток передвижения интересующих Меленкова людей. Разумеется, каждый из них, бывших сотрудников самых различных структур, как „Отче Наш“ знает всех сторонников Меленкова, так и возможных противников. Не стоит рисковать, в Питере с этим проще».

Минут через двадцать в купе постучались.

Платон насторожился, расстегнув маленькую, едва заметную молнию справа на штанах, чтобы в случае необходимости быстро выхватить «Хамелеон».

Стук повторился.

– Дорожная милиция, проверка документов! – послышалось за дверью.

Щелкнул замок, и два сотрудника дорожной милиции прошли в купе, представившись, попросили документы.

– Аршавин Сергей Владимирович, – сказал милиционер, просматривая предъявленный паспорт, – однофамилец?

– Двоюродный брат, – соврал Платон.

Настя, будучи первоклассным психологом, утверждала, что родство с известными людьми, которые могут похвастать народной любовью, располагает к себе в большинстве случаев.

Оба сотрудника с удивлением посмотрели на него, словно хотели найти внешнее сходство.

– Понятно, – произнес, наконец, второй, – я хоть и не болельщик, но передавай брату мои соболезнования. Багажа много?

Платон кивнул на маленький саквояж, стоявший на месте второй спальной полки.

– В Питер по делам?

– По родне соскучился.

Задав еще пару малозначимых вопросов, милиционеры удалились.

Платон наконец почувствовал, как сильно устал от постоянного напряжения, чувства опасности, тревоги. Стоило только голове прикоснуться к подушке, и он провалился в глубокий сон.

Ему снились родители, гуляющие под руку по зеленым полям; снились друзья, отдыхающие вместе у костра; потом вдруг приснилась *Настя* в белоснежном бархатном платье – она ходила по какой-то картинной галерее, пока не превратилась в ярко-красный, несущийся вдаль «Мерседес».

Все картинки, настолько реальные, переплетались друг с другом вполне гармонично, и каждая следующая словно дополняла предыдущую. Последним видением стал Голиаф, или Анатолий Меленков, с грустью и укоризной смотрящий прямо в глаза. От этого взгляда даже во сне стало не по себе, и невидимая нить быстро утащила спящий разум назад, в реальность.

Платон открыл глаза и с ужасом ощутил, что находится в купе не один. Еще засыпая, он не стал гасить свет, поэтому купе хорошо освещалось. Он еще не мог видеть, кто вторгся в его личное пространство, но зато чувствовал постороннего всеми фибрами души. Казалось, страх сковал все тело, мешая пошевелиться.

Тем не менее, он заставил себя вновь закрыть глаза. Во-первых, если его еще не убили, значит, убийцам нужна не только его жизнь. А во-вторых, вступать в бой нужно подготовлено, далеко не с таким настроем, который был.

«Ты должен отключить все свои мысли, войти в состояние полного спокойствия, – учил Александр Соколов, который когда-то тренировал его, – и только тогда ты сможешь состязаться с более сильным соперником. Забудь о страхе! Смотри на все, словно ты в компьютерной игре!»

Не зря Платон так долго постигал все это, чтобы в самый ответственный момент не воспользоваться. Усилием воли он разогнал тревожные мысли, заодно блокировал и все остальные. В голове стало тихо и спокойно. Страх ушел.

И только сейчас можно было побороться за свою жизнь, или, по крайней мере, продать ее подороже.

Платон резко вскочил, выхватывая «Хамелеон» из-под подушки, куда осмотрительно положил перед сном.

Справа, на второй спальной полке, сидела девушка, прислонившись спиной к окну и с книгой в руках.

– Как вы... – Платон не договорил, едва успев спрятать пистолет – девушка вздрогнула и от испуга выронила книгу.

– Ой! – Воскликнула она, и быстро затараторила, – простите! Я не хотела вас напугать! Я из третьего вагона. Так получилось, что в моем купе едет какой-то сектант, такой божий одуванчик с виду, а я их на дух не переношу просто, и боюсь как огня! Знаете, чего только в жизни не наслушивалась об этих личностях! И я сразу попросила проводницу поменять место, даже походила по соседним купе, но все отказывались поменяться со мной! Тогда я пошла по ваго-

нам, но и там везде натыкалась на отказы, а в вашем проводница сказала, что вы едете один, и если я поговорю с вами, и вы будете не против, то она.... В общем, дверь была открыта...

«Я что, забыл запереть дверь?!»

– ... а вы спали. Я попыталась вас разбудить, сказать о себе, но вы спали очень крепко, и никак не отреагировали на мои слова. А потом я...

По мере того, как девушка продолжала бегло говорить, словно пытаясь оправдаться, Платон передумал «всыпать» проводнице по первое число, заслушавшись милым голосом внезапной попутчицы. Зрение не отставало от слуха, созерцая спокойную, мягкую красоту девушки.

«Такая была у мамы».

– ... а вашу сумку я не трогала, она так и стоит под моей полкой. Достать?

– Н-нет, не стоит, – запинаясь, ответил он.

На вид девушке было не больше тридцати, длинные светлые волосы аккуратно собраны в узел, полностью открывая очень выразительное, красивое лицо, на котором сочеталось все просто идеально, словно вдохновленный художник решил изобразить на картине собственную музу, награждая ее лишь самым лучшим. Миндалевидные глаза зеленого цвета заключали в себе такую насыщенность и яркость летних джунглей, как будто могли переливаться на солнце. Идеально прямые линии носа плавно скользили вниз, минуя выразительные, слегка манящие губы, внутри которых, казалось, пряталась такая чувственность и нежность, которых не могла скрыть даже напряженность момента, и попадали прямоком в идеально рассчитанную природой небольшую ложбинку над слегка заостренным подбородком. Это лицо невозможно было лицезреть по частям, невероятная цельность сквозила в каждом изгибе, словно оно было выдолблено из горного хрусталя гениальным мастером. Платон поймал себя на мысли, что чересчур залюбовался внезапной попутчицей, и тем самым мог смутить ее.

– Простите, вы сказали... ээ... а какую станцию мы проехали?

«Что за глупый вопрос? Какая мне разница?»

– Бологое, – ответила девушка, – я вижу, вы очень обескуражены. Извините, если бес тактно вторглась в вашу поездку, просто не могла больше сидеть в своем купе, это так жутко.

– Нет-нет, это вы простите меня, – смутился Платон. Надо было срочно что-то делать, дабы разрядить обстановку. – Хотите чай?

– Не откажусь, до сих пор согреться не могу. Тем более что у меня с собой остался замечательный ягодный чай, который сестра привезла из Италии.

Ее сумка висела сверху на крючке, и когда девушка встала, потянувшись за ней, Платон с досадой обнаружил, что не может предъявить никаких, даже самых маленьких претензий к ее фигуре, на создание которой природа также не поскупилась.

Внутри что-то сладко кольнуло, совсем не по-взрослому, словно юный мальчишка впервые ощутил прилив волшебной, неведомой раньше волны влюбленности. Это была не просто мужская похоть, животная и безнравственная, за которой ничего, кроме желания овладеть женщиной, не скрывалось. Нет, природа нахлынувшей внезапно теплоты скрывала в себе начинку более глубокую, чем можно представить. Однако нельзя наивно полагать, что второе исключало первое.

По дороге за кипятком Платон корил себя за несвойственные возрасту переживания, наивно полагая, что с возрастом все происходит иначе. Он был не сторонником случайных знакомств, которые в свою очередь могли перейти к случайным связям, которые в свою очередь... в общем, Платон всячески их сторонился.

«Ведь я же совсем ее не знаю, разве можно судить по одной только внешности? Я что, баб красивых не видел?».

Последний раз он влюблялся слишком давно, чтобы вспоминать об этом, а остальные женщины, чьи ночи так или иначе пересекались с его, не оставляли на сердце долгих воспоминаний.

Казалось, поход за кипятком занял не больше двух минут, а в купе уже стройным рядом лежали готовые бутерброды с сыром и колбасой.

– Давайте стакан, я пока заварку приготовлю, – попросила девушка, – кстати, я Вика.

– Пла... – Платон откашлялся, – Сергей, очень приятно.

Он окинул взглядом сложенную на край стола книгу.

Чарлз Диккенс: «Посмертные записки Пиквикского клуба».

– Как вам книга?

– Ах, вы про Диккенса, – закончила приготовления Вика, – пару минут подождем, и будем пить чай. А о книге могу сказать, что третий раз пытаюсь ее начать, и пока не готова вынести вердикт.

– Знакомая история! – подхватил Платон, который в мировой классике плескался как дельфин в океане, – с третьего раза я и прочитал ее, и могу со всей уверенностью сказать, что это одно из лучших произведений в мировой литературе.

– Серьезно? – удивилась девушка, – тогда чем же вы объясните столь долгий процесс ее понимания?

– Нет, понимания здесь не нужно, – улыбнулся Платон, – просто книга, словно жесткий ревизор, старается открыться лишь просвещенным умам, или тем, кто так сильно стремится стать ими. Но это мое чисто субъективное мнение, могу ошибаться.

Виктория не на шутку задумалась, опустила взгляд на книгу и замерла, словно пытаюсь просверлить несчастное произведение.

«Надеюсь, я ее не обидел?».

– Ну что ж, возможно в этот раз мой разум будет более просвещенным, чем раньше.

Платон рассмеялся.

– Несомненно, и вы получите море удовольствия. К слову сказать, это первое – не считая «Очерков Боза» – истинно гениальное творение Диккенса. Для меня всегда это было большой странностью.

– Почему же?

– Я прочитал все романы Диккенса, и, несомненно, преклоняюсь перед настоящим мастером слова, с которым он творил поистине чудотворные превращения. В каждом романе своя жизнь, описанная с такой яркостью, что порою забываешь, где реальность. Но если бы меня спросили, каким, по моему мнению, является последний роман Диккенса, я бы не задумываясь назвал «Посмертные записки». Поистине, великий шедевр.

– А какое же на самом деле было последнее произведение? – полюбопытствовала Вика, которую, казалось, сильно заинтересовал разговор.

– «Тайна Эдвина Друда», идеальный детектив. Диккенс умер, так не дописав роман, чем заставил многие поколения изрядно поломать голову над его окончанием.

– Детектив идеальный? Это как?

– Просто там нет ни одной лишней детали, и как говорил сам писатель при жизни: каждый внимательный читатель сможет самостоятельно раскрыть головоломку.

– Очень интересно, – кивнула девушка, – давайте вашу кружку, все готово.

Чай оказался достойным своих похвал.

– Вы любите историю? – спросила Вика.

– Люблю, а почему вы спросили?

– Просто я несколько лет преподавала историю зарубежных стран первокурсникам в институте, и до сих пор не привыкну, когда не я, а мне кто-то рассказывает интересные вещи.

Платон улыбнулся.

– Если честно, то большинство интереснейших фактов из прошлого я знаю по книгам Валентина Пикуля, одного из моих любимых русских писателей.

– Seriously? Я тоже люблю Пикуля, он не раз говорил в своих произведениях, что «история не прощает тех, кто не делает выводов из его прошлого». Но это, прежде всего художественная литература, и по ее мотивам я вряд ли бы ставила отлично на своих занятиях.

– Да, я знаю, что многие, особенно научная каста недолюбливали Пикуля, считая дурным тоном прочтение его книг. Но обладая рогатым знаком зодиака – я Козерог – люблю спорить, и с удовольствием зарубился бы с любым академиком за честь и достоинство произведений Пикуля. Насколько мне известно, Валентин Савич не руководствовался фактами истории, если не находил подтверждения их подлинности хотя бы в трех независимых источниках. Его личная библиотека обладала огромными богатствами редких, трудно находимых книг. Да что говорить, если основа романа «Фаворит» покоилась на более чем пятиста источниках. Мне очень жаль, что наследие Пикуля не входит в обязательную школьную программу.

– Вы думаете, это было бы правильно? – поинтересовалась Вика.

– Убежден. Видите ли, с распадом СССР мы потеряли не только «самую черную дыру российской истории», как любят говорить на Западе, не только угнетающий режим тоталитарной власти, в корне запрещающий и преграждающий путь общечеловеческим свободам (и это тоже любят повторять на Западе с упорством умалишенного), нет, мы потеряли гораздо большее – мы разучились гордиться своей страной, своей историей, да просто собой. Десять лет отчаянного шторма в середине торнадо новой российской действительности ощутимо изменило людей. Но былого уже не вернешь, а вот реальность менять как-то надо, и если мы не хотим дальше катиться по спирали безысходности вниз – предпринимать меры. Путь развития может быть только в двух направлениях, он не может зависнуть или застыть.

– Вы затронули очень необъятную тему, но причем здесь Пикуль?

– Вы правы, тема необъятная и во многом противоречивая, – согласился Платон. – И чтобы ее сдвинуть с места, силы нужны такие же необъятные. Валентин Пикуль, на мой взгляд, мог бы стать одним из проводников в процессе воспитания новой личности, ведь в его книгах, помимо истории, есть и много простого русского патриотизма. Своими романами Пикуль действительно заставляет гордиться за свою страну, за свой народ, поистине выдающийся, переживший все круги ада. Сколько раз мы спасали от гибели многие европейские страны? А помнят ли они сейчас об этом? Многие ли знают, что именно Российская Империя поддержала Джорджа Вашингтона в борьбе с колонистами? Помнят ли американские дипломаты, что только их предшественник открыто высказывался за поддержку исторического решения последнего канцлера Горчакова о разрыве последствий Парижского трактата, запрещающего нам иметь Черноморский флот? Помнят ли французы, что все тот же Горчаков, опираясь на доблесть русских солдат, не позволил Бисмарку вторично разграбить Париж, и не только, ведь он хотел сравнять его с землей? Сколько лет прошло с окончанием холодной войны, и помнит ли кто-нибудь о том, что было раньше? В общем, я опять ускакал не в ту степь, извините, люблю разглагольствовать на любимые темы.

– Ничего, а вы думаете, что Пикуль не преувеличивал по поводу наших подвигов?

– Подвигов в нашей истории достаточно, долго искать не надо. Вопрос в другом – он мог ошибаться в неизменной доблести как наших солдат, так и народа в целом. Ведь мы также знаем, насколько русский народ может быть жесток (как и любой другой народ), и далеко не всегда способен с честью выйти из трудностей. Александр Зиновьев, которого, между прочим, я также рекомендовал бы как образец воспитания новой личности, критикуя откровенную лезть в отношении нашей доблестной советской армии во время войны, писал, что на одного Матросова у нас приходилось сотни предателей и шкурников, перевертышей и подлецов. Наверняка, это правда. Но я начинал с разговора об утраченной гордости, чести, которую во многом поддерживала советская идеология, а разве она могла выдержать критику реальности? Разумеется, нет. Пусть лучше подрастающее поколение верит в лучшее, и настраивается на это, гордясь своей историей, подвигами своего народа. И в этом мало обмана, ведь рус-

ский народ всегда обладал колоссальным потенциалом. Именно этим объясняется откровенная ненависть со стороны всего остального мира. К моему большому сожалению, у нас никогда не было, и возможно, уже не будет друзей. А ведь эти слова еще умирающий император Александр третий говорил в наставлении своему сыну, будущему императору Николаю второму. Если быть точным, то он сказал – «у России есть только два друга – ее армия, и ее флот». И этим все сказано. А что до исторической достоверности, которую многие критикуют в романах Пикуля – боюсь, скоро мы столкнемся с открытием новых фактов, которые кардинально изменят многое из привычной нам истории. Вы читали «Новую Хронологию» академика Фоменко?

– Фоменко? Который утверждал, что Татаро-Монгольского ига не было? – удивилась Вика.

– И не только. Да, это он.

– Я слышала, что его книги публично выбрасывали в окно на лекциях МГУ.

– Вполне возможно, – кивнул Платон, – но если же ученые мужи считают, что таким способом могут опровергнуть написанное Фоменко, то мое личное мнение о российской науке сильно пострадает. А ведь в открытую конфронтацию с ним не решается вступить никто, почему?

– Быть может, историки считают, что есть вещи, не подлежащие обсуждению? – предположила девушка.

– Я рискну предположить, что большинство из людей религиозных свято верило в непоколебимость церкви, пока Дэн Браун не написал свой «Код да Винчи».

– «Код да Винчи» во многом не выдерживает критики, как большинство из романов Брауна, – парировала Вика.

– А зачем придавать научное значение художественной литературе? Конечно, не выдержит. Задача автора была в другом – он дал людям вероятность, слышите, лишь вероятность, что веками сложившиеся устои могут быть ложными. А ведь Фоменко не автор романов, он академик, если не ошибаюсь в области математики. А математики люди особые, они десять раз перепроверяют данные, прежде чем утверждать в своей правоте. И в его книгах приводятся сложно оспариваемые аргументы, именно поэтому наши историки не находят ничего лучшего, как публично выбросить книгу в окно.

– В чем-то я с вами согласна, но далеко не во всем. Почему, говоря о Фоменко, вы для примера упомянули Брауна? Лично я, как верующая христианка, могу с уверенностью утверждать, что есть в этом мире вещи, действительно не подлежащие обсуждению, а тем более извращению и сомнению! История сюда не входит, поскольку любому грамотному читателю известно, сколько сил было вложено для ее фальсификации. Правильно говорят, что историю пишут победители. Если Фоменко сможет в потоке грязных извращений докопаться до истины – буду только рада. Но религия, а тем более вера в Бога, не может быть предметом для литературного сомнения!

– Вы из числа тех, кто считает Брауна злостным еретиком?

– Что есть ересь? Это ложное, искаженное учение. И в этом плане, да, я считаю Брауна еретиком, поскольку он основу коммерческого проекта заложил христианские истины, и более того – подверг их сомнению. Чем руководствовался автор, кроме возможности хорошо заработать?

– А почему бы не предположить, что он хотел лишь приоткрыть взгляд на возможный обман? Почему иная, не согласная с официальной церковью точка зрения не может иметь место?

– Место она имеет, и очень даже хорошее. И к моему великому сожалению, с каждым годом новые, искаженные предположения об истории пришествия Христа обретают новые силы.

– Почему искаженные? – не унимался Платон. – Просто люди хотят рассмотреть вопрос под разными углами. Ведь истина у многих разная.

Вика лишь грустно вздохнула, и на некоторое время уставилась в окно, попивая чай.

– В том-то и дело, – продолжила она чуть позже, – что истина может быть лишь одна. Это вам не задача по математике, которую можно решить несколькими способами. И неважно, сколько точек зрения на вопрос истины могут иметь люди. Она неизменна, вне зависимости от нашей с вами веры.

– И в чем же истина? – любопытствовал Платон, который никогда раньше не вникал глубоко в суть религиозных учений.

– Боюсь, что для меня это не слишком простой вопрос, который можно уложить в двух предложениях.

– Разумеется, – поправил себя Платон. – Я просто хотел узнать, что для вас истина веры?

– Вера в Бога нашего Иисуса Христа.

– Бога? Я всегда считал, что он был сыном Божьим.

– Он был одним из воплощений Бога, ведь Бог триедин – Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух.

Платон смутился. Он вообще не любил чувствовать себя идиотом, тем более знал все это не хуже Виктории, но очень хотел спровоцировать ее на долгие разговоры, наслаждаясь звучанием ее голоса.

– Хорошо, я понял, что для вас истина веры. Но меня смущает много фактов. Почему, например, в мире так много религий и еще больше их разветвлений? Что получается, разные народы верят в разных Богов? И наверняка ведь, каждый считает, что его вера истинная.

Он прекрасно знал ответы и на эти вопросы.

– Еще раз повторюсь, что истина может быть только одна, – более жестко произнесла Вика, – и она не будет меняться в зависимости оттого, что каждый из нас думает. Просто не каждому дано встать на ее путь. Вы вот сейчас наверняка думаете про себя, какая я наивная и убежденная дуручка, хотя наверняка ни разу в жизни не сталкивались с явлениями, которые никак не могли объяснить? Верно?

– Не совсем, – ответил Платон, вспомнив про *Настю*. – Но смотря о каких явлениях вы говорите. Если имеете в виду различных гуманоидов и летающих тарелок, то да, их я не видел.

– Благодарите Бога. А я вот видела, на свою беду.

Платон с удивлением посмотрел на Викторию, и впервые в его голове зародилось сомнение об ее безупречном здоровье.

– Простите? – на всякий случай повторил он.

– Вы когда-нибудь слышали про восточную школу «Рейки»? – ответила девушка вопросом на вопрос.

– Слышал, – кивнул Платон, который на беду своей любознательности пытался засунуть нос во все интересные и необъяснимые факты. Об учении «Рейки» он впервые услышал, когда отдыхал в Японии, и даже прочитал пару маленьких брошюрок, приглашающих на обучающие семинары, но дальше дело не пошло, ведь в глубине души Платон считал это полнейшим бредом. Люди, пропускающие через себя потоки космической энергии, и открывающие в себе новые сверхъестественные способности? Даже сейчас в его рациональном мозге возникал протест на подобные рода мысли.

– Вы никогда не увлекались ею? – спросила Вика.

– Нет.

– Очень хорошо, – улыбнулась она. – И не интересно было?

– Я в это не верю, – отрезал Платон.

– И не стоит. Но, к сожалению, не все люди так же относятся к «Рейки». Это учение, вновь открытое Микао Усуи в начале двадцатого века, изначально рассчитывалось на поддержание человеческого здоровья, причем как духовного, так и физического. Лично Микао она помогала

для исцеления больных, ведь еще в маленьком возрасте он часто задавался вопросом, как Будда и его ученики могли исцелять недуги одним прикосновением. В итоге методика, которую он разработал, позволяла без долгих лет и трудных практик воссоединиться с энергией космоса, или вселенной. Обратите внимание, *без долгих лет и трудных практик*. То есть, на халяву. А бесплатный сыр, где у нас бывает? К сожалению, раньше я была менее умна, и своим любопытством чуть не сгубила собственную душу. Началось все в далеком восемьдесят шестом году, когда в нашей школе стали снимать актовъй зал приезжие мастера с востока, обучающие «Рейки». Услышав о чудесах, якобы происходящих на семинарах, я решила тоже попробовать. Мои родители, неверующие люди, никак не отреагировали на такой интерес любознательной дочки. Наверное, так же, как и вы, считали это полным бредом.

– А что, на деле оказалось не так? – спросил Платон.

– На деле я увидела, как наш сторож и выпивоха дядя Степа пустился в такой пляс, которому позавидовал бы самый искусный танцор, а два ученика десятого класса провели мастер-класс бесконтактного боя. Можете себе это представить?!

– Нет, – признался Платон. – Как это получилось?

– Очень просто. Мы все лежали на животе вниз головой и читали специальные мантры – восточные молитвы. Перед этим следовал ряд упражнений, которые должны были очистить наши энергетические чакры и настроить их на связь с космосом. И вот лежу я, настраиваюсь на «контакт», как вдруг вижу – дядя Степа чуть ли не подлетает с пола и начинает танец просто неземной красоты и грации. Затем «очнулись» и школьники. А еще тогда заметила, что все это происходит при явно постороннем вмешательстве, но убедила себя в силе божественной энергии космоса. Кстати сказать, со мной ничего подобного тогда не получилось, и мастера лишь сочувственно качали головой и показывали на мой крест, висящий на шее – мол, без него ничего не выйдет. И почему тогда мне в голову не пришла мысль, что же за такая космическая сила, которая боится простого крестика? Послушав мастеров, я сняла его, и действительно после этого почувствовала теплую волну, прошедшую по телу. Но большего не последовало. Полгода затем я изучала восточные учения, подобные «Рейки», пыталась на духовном уровне выйти на связь с Богом. И вышла, но не с Богом совсем. Появившийся в пустоте голос сначала слабо, но со временем более четко стал проявляться в моей голове. Он сам не проявлял особой любознательности, зато с охотой отвечал на все мои вопросы. Лучше всего это происходило на бумаге – я просто задавала вопрос, а затем ставила свою руку с ручкой над чистым листом, и ответ записывался сам по себе. В основном я расспрашивала о Боге, об истинном пути жизни, и о многих других вопросах подобного рода. Мой невидимый оппонент в основном мягко, но убедительно критиковал определенные взгляды – говорил, что я сама есть Бог, как зеркальное отражение его, и поэтому я сама в состоянии определять собственную истину, а не стараться встать в ряды послушного стада. Говорил, что истинный путь невозможно изложить в словах, ведь для каждого он свой.

– А разве это не правда? Разве Бог не внутри нас? Разве не мы сами творим свою судьбу?

– Понятия «Бог внутри нас», и «я сама есть Бог» – противоположны! Как же вы не понимаете, что это все просто козни дьявола! И предположение о том, что веками сложившиеся устои могут быть ложными, тоже от него. Ведь именно благодаря чисто предположению, можно невинно подумать, что даже посредством зла можно творить добро, и что даже Сатана может приносить в мир светлое. Ведь именно из-за такого невинного познания и были изгнаны из рая Адам и Ева.

– Ничего себе вы копнули! Ну ладно, про первородный грех я вам позже расскажу, продолжайте.

– История повторяется, и люди невольно сами притягивают беду на свой род.

– Чем же?

– Своими «новыми предположениями». Используя возможности главного Божьего подарка – мозга, человек постепенно забывает, зачем Христос спускался на землю, и изобретает себе более удобные установки для жизни, считая старые просто неактуальными. Говоря другими словами – люди пытаются перестроить Бога под себя. Или более того, посчитать себя его полным отражением, и творить по своему разуму.

– И зачем же, по-вашему, Христос спускался на землю?

– Прежде всего, за тем, чтобы своим примером показать правильность жизни человечеству, но сейчас мало кто об этом помнит. Однако я не хотела бы обходить стороной и другой момент – согласно христианскому преданию, после погребения Иисус спустился в ад и, сокрушив его ворота, принёс в преисподнюю свою евангельскую проповедь, освободив заключенные там души.

– Хорошо, пусть будет так, – нехотя согласился Платон, – но давайте вернемся к вашему рассказу о «неземном общении». Что произошло потом?

– Я продолжала записывать ответы на интересующие вопросы, советовалась по любому пустяку. Несколько раз невидимый собеседник предостерегал меня от опасности, например, когда запретил ехать к родителям на поезде в назначенный день. А ведь у меня тогда и билет купленный был, и вообще настроилась твердо. Даже думала ослушаться предостережений, но осторожность взяла свое – я осталась дома. А на следующий день по телевизору передавали новости о том, как сошел с рельс мой дорогой поезд, были и жертвы, и много раненных. После этого, я, разумеется, как завороченная слушала все, что говорил мне невидимый дух.

– А вам не приходило в голову, что это просто большое воображение? – осторожно спросил Платон, стараясь ненароком не обидеть девушку.

– Поверьте мне, тогда с моей головой было все в порядке. А вот потом началось сумасшествие. Постепенно и медленно я стала замечать, как чьи-то невидимые руки все больше пытаются ухватиться за мою волю. Разумеется, я спросила об этом «невидимого», но он лишь ответил, что это Божественная сила поступает в меня, и на какое-то время я успокоилась. Но через некоторое время пошла уже более агрессивная атака, и страх перед неизведанным сковал меня накрепко. Помню, один раз я проснулась ночью и долго думала, почему же Божественная сила столь пугает меня, буквально загоняет в тиски отчаяния и тоски?! Вот уже две недели как я находилась в состоянии чудовищной депрессии. За окном послышались какие-то звуки, и я посмотрела на улицу, отчего едва не лишилась разума – окна не было, точнее, за ним ничего не было, словно невидимый занавес опустили в театре! Спиной я почувствовала дикий холод, который просто сковал мой мозг от страха и осознания того, что в комнате кто-то есть! Я не могла даже повернуться – тело не слушалось, а сердце билось так сильно, что вот-вот должно было выскочить из груди. Я была уверена, что умру через несколько секунд, но мозг мой в отчаянье завыл как потерявший рассудок псих – «ГОСПОДИ! ПОМОГИ!». Дальнейшего я не помню, потому что упала и потеряла сознание. Но даже перед падением успела ощутить, как невидимая сила ослабила хватку, и почувствовала просто неземное облегчение. Проснулась я уже под утро с больной и распухшей головой, словно перед сном выпила бутылку водки. Покопавшись в ящиках, я отыскала давно покинутый крест и надела на шею, после чего кинулась в ближайшую церковь. Действовала чисто интуитивно, и даже подумывала обратиться за помощью к моему неземному духу, но, слава Богу, не решилась, и уже никогда не решусь. С тех пор ничего подобного со мной не происходило, и я смогла вырваться из лап духовной нечисти, хотя за свои «любопытные опыты» я расплатилась перед Богом сполна.

Платон долго не решался продолжить вопросы, поскольку от такого рассказа голова пошла кругом, и мысли в нерешительности бились друг о друга. Если он и читал истории подобного рода с различных журналах сомнительной свежести, то лишь жалел в душе свихнувшихся людей. Но сейчас перед ним сидела живая и вполне здоровая психически девушка,

красота которой манила его хуже самого запретного плода, и вспоминала такое, что трезвым рассудком никак не принять.

«А может, она немного того? Психи ведь тоже могут вполне нормально выглядеть?», – пронеслось-таки в голове, хотя Платон и сам не верил в подобные мысли. Более того, еще несколько часов назад с ним самим происходило такое, что Расскажи любому здравомыслящему человеку – примет за психопата. Платон снова вспомнил про *Настю*.

Так чем же по сути воспоминания девушки бредовее его собственных воспоминаний? Однако вопреки мимолетному порыву излить собственную душу, Платон отказался наотрез.

Внезапный звонок телефона нарушил полет его мыслей.

– Да родной, – ответила Вика, и Платон почувствовал, как вдруг стало грустно. – Я уже еду, как дела у бабушки? Все хорошо? Я очень рада! Заберу тебя завтра утром! Крепко целую!

Вика с улыбкой опустила трубку.

– Мой сын.

– Я понял, – кивнул Платон, – вы замужем?

– Да, то есть... – девушка помрачнела, – мой муж погиб семь лет назад.

– Извините, я не хотел...

– Я сказала, что за свои любопытства ответила перед Богом сполна. Смерть мужа была мне одним из уроков.

– Не надо так думать, – нахмурился Платон, которого все еще терзали крупные сомнения по поводу всего сказанного.

– Я не думаю, я знаю. Его убила молния. А просто так людей молния не убивает.

– Хорошо, не буду вас переубеждать, – кивнул Платон, которому больше всего хотелось выяснить, свободно ли сейчас сердце Вики? Но он не знал, с какой стороны к этому подойти.

«А вдруг она вообще дала обет безбрачия с такими принципами?»

– Тяжело одной воспитывать сына?

– Непросто, – сказала Вика, – девять лет, не за горами переходный возраст, а у мальчиков он не тот, что у девочек.

– Верно сказано, хотя я и плохо знаю, что там у девочек происходит. В шестнадцать лет я умудрился угнать машину собственного отца и проехал на ней половину области, представляясь гаишникам сыном прокурора.

– Какой ужас! Неужели все так плохо? – испугалась Вика. – Как подумаю обо всем этом, прямо дрожь берет. Смогу ли я помочь сыну, правильно направить его, если потребуется? Несомненно, ребенку нужен отец.

– Я бы сказал – ему нужен хороший отец, – поправил Платон, – к сожалению, у многих детей такие отцы, что лучше бы их не было.

– Согласна, а у вас есть семья?

– Никогда не было. Мои родители погибли больше десяти лет назад, а любимая девушка решила, что я не ее идеал, и что со мною у нее нет светлого будущего. С тех пор я не встретил того человека, с которым хотел бы связать свою жизнь.

– Мне очень жаль, – искренне посочувствовала Вика, – мне проще, ведь мама и папа живут недалеко от Питера, а главное, мой ребенок – самый дорогой человек – всегда рядом.

– Дети, наверное, большое счастье.

– Это верно. Хотя и нелегко порой бывает выносить проблемы на хрупких женских плечах. Но мне с тех пор, так же как и вам, не удалось встретить достойного мужчину.

«Наконец! Это уже лучше! – подумал Платон, но тут же себя отдернул, – о чем ты думаешь?! За последние сутки натворил столько дел, что пора бы гроб заказать и собственноручно в него лечь, поскольку вероятность выйти сухим из воды чисто теоретическая! А о чем думает голова?! Как бы расположить и соблазнить девушку?!»

– Вы сказали, что преподавали историю, – решил сменить тему Платон, – а сейчас что, прекратили?

– Да, прекратила – кивнула Вика, – так уж получилось, что на мою душу свалилась вся ответственность за мою маленькую семью, а на зарплату преподавателя ее, к сожалению, было не прокормить. Около семи лет я работаю в банке, практически руковожу отделом кредитования юридических лиц. Сверху давно обещают повысить официально до руководителя. А вы чем занимаетесь?

Платон нахмурился.

– Я бы сказал, моя работа также связана с руководством, а также аналитикой перспективных направлений развития бизнеса.

– О, это должно быть интересно.

– Любопытно, не спорю, – подтвердил Платон, желая всеми способами сойти с затронутой темы, которую сам по глупости начал.

Очень не хотелось врать и обманывать Вику.

– А что вы любите больше всего?

– В смысле?

– Есть любимой занятие? Хобби?

– Ах, вы об этом, – улыбнулась Вика, – безумно люблю путешествовать и узнавать новые, интересные вещи.

«Отлично!»

Платон не зря прожил последние десять лет, побывав практически во всех уголках земного шара, познав немалое количество интереснейших историй, легенд, открытий, причем как на суше, так и под водой, погружаясь с командой знакомых дайверов на останки древних городов, затонувших давно кораблей. В общем, ему было о чем рассказать, и милая беседа развернулась на новых просторах, далеких от работы, друзей, в общем, от реальности.

Платон с большим энтузиазмом рассказывал о Тибетских пещерах, где по преданиям местных жителей покоились тела представителей предыдущих цивилизаций, атлантов и лемурийцев; вспоминал древние обычаи и легенды индейцев Майя, на которые так часто ссылались в последнее время; описывал своеобразную и закрытую жизнь эскимосов, до сих пор не тронутых цивилизацией; вспоминал красоту останков предполагаемой Атлантиды на дне Карибского моря; рассказал о страшном, но замечательном путешествии через Бермудский треугольник; восторгался красотами таких столиц мира, как Вашингтон, Пекин, Сингапур, Токио, Рио-де-Жанейро и многих других.

Вика по большей части слушала, восторженно смотря на Платона, а потом стала делиться собственными достижениями в области путешествий, нахваливая Париж с его сладостями и модой, с восторгом вспоминая Италию с ее вечно жизнерадостными обитателями, затем рассказала о недавнем путешествии в Грецию.

Платон наслаждался звучанием ее голоса, с нежностью смотря на его обладательницу, и с каждой минутой все больше понимал, насколько дорога ему вдруг стала эта девушка. В глубине души безумно хотелось верить, что это чувство взаимно.

Порой Платон вежливо отворачивался и смотрел в окно, дабы не смущать пристальным взглядом вдохновенную Вику, но все равно продолжал наслаждаться, руководствуясь лишь одними ушами.

– А в следующий раз я мечтала посетить Мексику, взять экскурсионный тур, – закончила Вика свое повествование.

– В Мексику? – переспросил Платон, моментально припомнив забавную историю, – я был там несколько лет назад, и привез домой массу необычных впечатлений.

– Расскажи пожалуйста! – попросила Вика, уже и не помня, когда они перешли на «ты».

– Итак, однажды в Мексике – похоже на название фильма, не правда? – я решил посетить местную охоту, ощутить, так сказать, заокеанскую экзотику. Обратился я, значит, к гиду за помощью, а тот оказался настоящим гадом, содрал с меня две тысячи долларов, причем девяносто процентов из них сложил себе в карман. Но это я понял потом, а пока меня повезли далеко за курортную зону, ехали почти целый день и под вечер достигли каких-то деревенских халуп в таких трущобах, что сам черт ногу сломит. Там меня подобрали два то ли крестьянина, то ли еще не пойми кого, вручили старинное ржавое ружье, два патрона подозрительной свежести, и повезли дальше. Объяснялись мы с трудом, ведь английским там и не пахло, а гида давно и след простыл. Ехали еще полночи по густым лесам, пока не наткнулись на стадо диких буйволов, по крайней мере, так утверждали мексиканцы, а что там на деле пойдти пойми – тьма полнейшая. Наконец-то, подумал я тогда, заняв удобную позицию в кустах и прицелившись. Ружье выстрелило, чем сильно поразило меня, а затем послышался вой раненного животного. Крестьяне удовлетворенно загалдели, но не прошло и минуты, как в ответ раздался выстрел, потом второй, а потом и вообще целая очередь. Мексиканцы завизжали как поросята на убое, и потащили меня назад в машину, выдавив из бедного старенького джипа все, что могли, но этого было явно недостаточно – следом приближалась погоня. Завернув в какой-то кювет, мы дружно выскочили из машины и кинулись в ближайшую чащу, притаившись в ней. Через несколько секунд по дороге следом промчались три армейских джипа с десятком головорезов на борту, вооруженных настоящими автоматами. Слава Богу, они нас не заметили, как и полуживой машины, лежащей в кювете. Позже я узнал, что мы наткнулись на хорошо охраняемое стадо коров местного барона, и могли за это поплатиться жизнью, но все равно с улыбкой рассказывал эту историю друзьям.

– Какой ужас! – воскликнула Вика, невольно схватив Платона за руку.

От этого прикосновения Платона словно током пробило, по телу стала расплзаться приятная теплота. Не особо понимая, что делает, а скорее руководствуясь неведомым импульсом, Платон приблизился и поцеловал девушку. На сей раз его ударило молнией, но так приятно, что все проблемы и тревоги были мгновенно стерты, а на их место пришло неземное удовольствие. Вика не сопротивлялась, и поцелуй затянулся настолько долго, насколько хватило запаса легких у обоих. Они полностью растворились в этом поцелуе, отчетливо ощущая, как реальность уплзает из-под ног.

– Я... – что-то хотел сказать Платон, отстранившись, наконец, от девушки, но сам толком не знал что.

– Не надо, молчи, – нежно ответила Вика, притянув его к себе обратно.

Но не прошло и нескольких секунд, как она вдруг резко отпрянула и с ужасом посмотрела на Платона. Глаза ее сверкнули.

– Убийца, – еле выдохнув, прошептала она.

Платон не сразу заметил перемену, поскольку на глазах до сих пор висела волшебная пелена, но после произнесенных слов сам отшатнулся, да так быстро, что ударился головой о заднюю стенку купе.

– Ай! Больно.

– На тебе кровь, – также шепотом сказала Вика, не обращая внимания на его действия. Она словно погрузилась в себя, да настолько глубоко, что разум на какое-то время вообще покинул стенки двуспального купе. Вика потеряла сознание, и упала бы на пол, если бы Платон вовремя ее не поймал. Он прекрасно понимал, что никакой крови на нем в физическом плане быть не может! Здесь было что-то другое, непостижимое для него, но видимое для Виктории, и он это сразу почувствовал.

Обморок длился недолго, всего несколько секунд, потом она глубоко вздохнула, словно вынырнула на свежий воздух из глубины моря, и открыла глаза, полные слез.

Платон был потрясен всем происходящим настолько, что казалось, войди сейчас в купе Меленков собственной персоной, и то меньше был бы шокирован. Но самое страшное было в том, что он прекрасно понимал – лгать и отнекиваться бесполезно, да и не сможет уже. Осознав изначально истину, он сразу же стал противоречить себе и пытаться все объяснить по-другому.

Как она могла узнать о том, что произошло? Она подслана? Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! Этого не может быть! А почему, собственно, не может?!

Но первый порыв достать пистолет и приложить его к виску девушки прошел быстрее мысли. Платон сдался. Он понимал, что ничего уже не сможет сделать. Если к нему подослали убийцу, то будь они прокляты, раз нашли именно таково. Хотя, быть может, принять смерть от рук столь прелестного создания и не самый плохой вариант.

Но Вика, казалось, вообще не чувствовала сил, не то чтобы кого-то убивать. Она постепенно приходила в себя, и первые минуты смотрела на Платона как-то сквозь, словно и не замечая вовсе. Платон нежно держал ее в руках, словно младенца, хотя и думал про себя о девушке черт знает что.

– Зачем ты это сделал? – спросила, наконец, она.

– У меня не было другого выхода, – не задумываясь, ответил он.

– Неправда, выход есть всегда, – покачала головой Вика, и слегка приподнялась.

– Не согласен. Лично для меня, если выбор абсолютно несоизмерим между собой, значит, его нет.

– Нет такой причины, которая оправдала бы пролитие крови.

– Есть! – разозлился Платон. – А чтобы ты сделала, если бы знала, что какой-то человек готов пролить целый океан человеческой крови?! Неужели не остановила бы его?!

Он говорил горячо, пылко, хотя и понимал, что вот-вот может сболтнуть лишнего. Вика молчала.

– Так что, неужели бы не убила его?

– Нет! Кто я такая, чтобы решать, кому жить, а кому умирать! – также пылко ответила девушка. – Кто сделал меня судьей на этом свете?! Да и разве известны мне Божьи промыслы?!

– Божьи промыслы? Мне они тоже неизвестны, но я никогда не смогу поверить, что в его промыслы входит третья мировая война. Но как писал Данте, самый жарки уголки ада предусмотрены для тех, кто оставался безразличным во времена тяжелых перемен! Я не Бог, ты права, но кто-то должен выполнять его работу! – Платон понимал, что сорвался, и говорил то, чего ни в коем случае нельзя было говорить даже близкому другу, но на фоне нервного срыва ничего не мог с собой поделать.

Вика на секунду задумалась, но не отступила.

– Серьезные темы у нас с тобой для разговора, я не готова была к ним сегодня. Но если уж тебе интересно мое мнение, то скажу – глобальная человеческая катастрофа есть неизбежность настоящего времени, прими это как факт. Конечно, я не жду этого завтра, да и вообще хотелось бы увидеть, как мой сын вырастет и продолжит свой род, но это неизбежно.

Платон спросил себя, знает ли Вика о том, что известно ему самому? Вряд ли.

– Почему ты так считаешь?

– Да потому, что люди совсем забыли заповедей Божьих! Я не сумасшедшая, и не фанатичка, и не призываю всех гурьбой ходить в православную церковь, тем более что та церковь, которая имеет место быть сегодня, у меня самой вызывает множество вопросов. Но я говорю о том, что люди в большинстве своем разучились чувствовать сострадание к ближнему, перестали помогать друг другу. Они не уважают природу и ее обитателей, хотя в самих себе с каждым годом развивают все больше звериных инстинктов и считают это достижением свободы. Посмотри, как изменились сексуальные нравы за последнее столетие, насколько разврат завладел людьми? Разве хорошим тоном считается любить своего человека и быть ему верным? Нет,

мужчины ведут себя, как разгордевшиеся петухи, спеша осеменить весь свой курятник, а женщины, стараясь не остаться в обиде, во всем подражают им. Вокруг льется много человеческой крови из-за алкоголя, наркотиков, личных обид, а люди уже привыкли, и не обращают на это должного внимания. Такие новости просто перестали кого-то волновать, а ведь еще в мое детство, хотя я и жила не в таком большом городе, как Москва, если происходило убийство, то обсуждалось всем районом как нечто чудовищное. Я даже не затрагиваю те области, в которых царит власть денег – там вообще ничего святого не осталось, там джунгли, где не сожравшего сожрут. А что у нас пишут современные авторы и что продают в книжных магазинах? Зашла недавно купить Бальзака в один небольшой такой магазинчик, куда там! Он полностью набит ироническими детективами, которые расслабляют и отупляют мозг, практическими руководствами по магии, монографиями экстрасенсов. Так какой же Бальзак? И все это читают наши дети. Как долго, по-твоему, это может продолжаться? И сколько терпения у Господа хватит все это наблюдать?

И тут Платон не выдержал. Он уже достаточно наслушался того, что могло запутать и без того непростую человеческую жизнь, пережил то, что дано пережить единицам на планете, и больше не мог спокойно реагировать, когда реальность пытаются вывернуть наизнанку и доказать, что человек ни в чем не виноват. Да, Вика ничего не говорила в пользу человека, но ее речи отдавали эфиром непознанного, противоречивыми процессами, никак с человеком не пересекающимися.

– Не могу с тобой согласиться по многим вопросам. Во-первых, все эти разговоры о заповедях и прочих неземных материях, конечно, хороши, но большинство религий нашего времени выделяет человеческий разум, его главную опору и двигатель прогресса, как некий дьявольский атрибут, разрушающий человека и задающий слишком много вопросов. Слышала такой тезис: «душа от Бога, а мозг от дьявола»? Я бы расстрелял создателя этих слов, несущих в себе больше разрухи, чем американская великая депрессия, поскольку подобные учения сотни лет успешно разрушали личность человека, превращая его в бездумного робота, неспособного к счастью, да и не стремившемуся к нему вовсе! А ведь кто-то в это верит и сегодня, зарождая противоречие в самом себе, и страдая всю жизнь за неведомые ему установки, разделяющие надвое его тело и душу, словно дожидаясь долгожданного освобождения в виде могилы и наслаждения в том месте, которое невозможно познать и понять, а только поверить! Цельность личности, делающей из нее настоящего человека без чувства вины за неведомые ему грехи, сильного и свободного, разумного в своих рассуждениях, не может быть создана, если в основе основ будет заложена такая бомба замедленного действия, причем длинной в жизнь! Я уже не беру первородный грех, который является вопиющим противоречием в самом себе, поскольку напрочь выходит за сферу нравственности, даже надсмехается на ней, противоречит природе, справедливости и самому разуму, пытаюсь сковать человека в тиски от рождения! Думаю, что это наиболее искусная уловка зла и невидимая петля, накинутая на шею человечеству. За что презирают людей, за то, что они вкусили плод с дерева познания?! Стали думать и понимать?! Стали смертными?! Не могу себе представить, кем был тот робот в райском саду, который бездумно передвигался, не размышлял и ничего не чувствовал, но он точно не был человеком!

Во-вторых, что касается любви, так у нас вообще национальной идеей является любовь без ценностей, а просто так. Как мы могли забыть о том, что любовь есть признание ценностей, нравственных качеств, оценка добродетелей другого человека, который получает в награду самое неповторимое чувство на земле просто потому, что его еще надо заслужить!!! Разве можно любить за что-то??? Конечно нет – это же так по-человечески! А вот любить без причины есть свойство божественной природы! Ведь любовь прощает, забывает и избегает любое зло, она гораздо выше ее! И чем более достоин объект вашей любви, тем выше ваша внутренняя победа над своим греховным началом! Руководствуясь такими принципами можно превра-

тить свою душу в мусорную свалку, равнодоступную для всех, и мало чем отличаться от уличной проститутки, хотя она действует гораздо практичнее – еще и берет за это деньги!

В-третьих, наш современный мозг прошел свою последнюю эволюцию более ста тысяч лет назад, и говоря современным языком – это очень устаревший гаджет, до сих пор представляющий жизнь в пещерах и опасность на каждом шагу. Не веришь? Тому есть уйма доказательств, помимо научных, разумеется – не так просто пересилить себя и начать регулярно заниматься спортом, хотя бы в фитнес пойти, потому что мозгу это претит, ему не нужно сбрасывать лишние килограммы, ведь завтра может наступить голодная пещерная зима, когда запасы жира весьма пригодятся. Зато успех фаст-фуда в современном мире превосходит все мыслимые и немыслимые оценки! Большой и аппетитный Биг мак услаждает наш мозг не хуже секса, обещает тысячи лишней калорий на будущее. Кстати, о сексе – первостепенная задача мозга какая? Продолжить род и обеспечить себе бессмертие на клеточном уровне, поскольку завтра, если помнишь, хищники могут сожрать с потрохами. Но почему нельзя с одной женщиной? Почему постоянная страсть с полигамии? Ответ прост, и кроется там же – чем больший набор хромосом будет использован в различной конфигурации, тем больше шансов на успех выживания более здорового вида и продолжения дальнейшего рода! Да, это звучит дико, но сто тысяч лет назад было нормой. Я это говорю не к тому, что надо заводить себе гарем, ведь я, по сути, однолюб, но понимаю, что идти против своей природы значит зарождать глубокое отрицание внутри, противоречить самой жизни. Да, ты еще можешь сказать, что похотливое влечение большинства мужчин далеко от мыслей деторождения, но и тут я тебя удивлю – мозг не знает об этом! И в этом заключается одна из наибольших разводов, если говорить языком улицы, для человеческого мозга. Создателям презервативов можно дать нобелевскую премию в области самого масштабного обмана за всю историю человечества.

В-четвертых, что касается чувства сострадания к ближнему, то здесь также кроется чудовищная ловушка для разумного человека. По твоим рамкам есть ли более грешный на земле человек, чем тот, кто лишен сострадания вообще? Конечно есть, и это человек, который пользуется состраданием к себе как оружием! Задумайся только, для чего может быть рожден человек вообще, если не для стремления к счастью, развитию, созиданию и прогрессу?! Разве мы не рождаемся с равными возможностями?! Я не беру сейчас отдельных людей, рожденных с физическими пороками. Да, ты опять можешь сказать, что не все мы рождаемся с равными возможностями, кому-то везет с родителями, благосостоянием, образованием, кому-то нет, и так далее. Но не об этом речь – разве не все мы рождаемся с руками, ногами и бесценным мозгом, который является самым великим творением на земле, способный вытащить человека из любой ситуации?! Поверь мне, проверено лично! Так по какому такому праву или моральным ценностям я должен сострадать другим людям, физически не отличающихся от меня, но по собственной глупости живущих в страданиях, разрухе, моральном обнищании, запутавшихся в противоречивых установках, отрицающих саму жизнь?! Судьба, реальность, безысходность?! Реальность существует независимо от вас до тех пор, пока вы с этим согласны!!! Каждый человек ответственен за то состояние, в котором находится в данную минуту, и не имеет никакого морального права перекладывать свои проблемы на других, прикрываясь собственными язвами как достоинством!

В-пятых – ты затрагиваешь области, в которых правила игры диктуют деньги, и пытаешься сюда некий святой компонент – ты ничего не путаешь?! Что есть деньги, как не результат материальной оценки человека, создаваемых им благ или простого качественного труда? Как можно сравнивать со злом то, что является жизненной необходимостью современной жизни! Я не беру аборигенов в дикой африканской саване, или еще где-нибудь. Деньги есть, прежде всего, средство обмена, существование их невозможно вне сферы производства товаров и людей, они придают форму той ценности, в которой человек выражает оценку творений своего труда, и только посредством них он может общаться в цивилизованном обществе.

Деньги теряют ценность лишь в руках бездельников, нищих и бандитов, выманивающих их у вас различными способом, от слезного прошения до насильственного требования, и поэтому они не в состоянии оценить то, что двигает жизнь вперед и заставляет творить, поскольку сами уже давно не живут по законам этой самой жизни, стараясь очернить все то, что питает ее веками, смешивая с грязью основные источники. Товарообмен посредством денег есть закон чести и порядок ведения дел созидающих людей доброй воли, и он доказывает, что каждый человек – единоличный хозяин своего разума, тела и труда. Деньги не купят счастья тому, кто сам не знает, чего хочет. Они не построят систему нравственных ценностей тем, кто и понятия не имеет, что это такое. Унаследовать богатство достоин только тот человек, который способен создать его сам! В противном случае сила денег уничтожит того, кто не умеет с ними обращаться и не знает им цену, и подобных подтверждений мы видим массу каждый год, но обезумевшие люди вопят, что это деньги развратили и уничтожили конкретного человека, это в них все зло!

Платон ненадолго перевел дух, чувствуя, как разгорается все больше и больше, и напоследок выпалил:

– И чем, в конце концов, плоха честная конкуренция, позволяющая людям добиваться новых открытий и рубежей?!

После такой убийственной тирады Вика замолчала, уставившись на Самсонова и ненадолго забыв даже то, с чего собственно все и началось, словно все ее сознание насильно перевернули такими фактами, против которых не пойдешь. Никогда в жизни она не слышала подобной речи, за которой скрывалась не только поражающая реальность, но и яростный дух справедливости, заключающий в себе отрицание всего того, что противно природе и жизни!

– Знаешь, – успокоившись, продолжил Платон позже, – ты напоминаешь мне своими речами Сонечку Мармеладову, но только современную.

– Возможно, вот только ты на Раскольниковов никак не тянешь, – еле слышно ответила он, словно находясь под гипнозом. – Разве что только наполеоновскими взглядами, ведь Раскольников тоже считал, что в состоянии переступить запретную черту ради осуществления более высоких замыслов, и променять один тяжкий грех на сотню добрых дел. Ты ведь так считаешь, верно?

– Нет, – потупился Платон. – Если честно, я и не думал об этом.

– А зря. Почему ты убил?

– Да кого убил-то? С чего ты взяла? – неожиданно ответил он, хотя ранее давал себе зарок не лгать, просто темы так быстро перескакивали одна на другую, что он немного запутался.

– Я понятия не имею, кого, но вижу на тебе кровь, и даже подозреваю, что там не один человек.

«Лес рубят, щепки летят», – подумал Платон, но вслух сказал:

– Мне сложно поверить тебе и твоим словам.

– Про то, что я почувствовала, поцеловав тебя? Мне будет так же непросто это объяснить. Скажи лишь только, что я ошиблась.

Платон промолчал, но в его глазах Вика все прочитала.

– Можешь не продолжать, я и так все вижу, как вижу и то, что ты хороший человек, но взявший на себя непосильный груз. Тем не менее, повторю, что пролитую кровь ничем не оправдать, сколько бы ты не твердил мне о несоизмеримости выбора. И Достоевский, раз уж ты вспомнил его, тем и велик, что дает читателю возможность вместе с Раскольниковым испытать все душераздирающие муки совершенного греха, но не делать греха лично. Правда, на сегодняшний день многие считают, что роман устарел и не отвечает времени. Подумаешь, старую каргу зарубил топором, тоже мне дело, стоящее внимания и таких переживаний. Я и сама понимаю, что мне старуху-то не жаль так, как ее сестрицу Лизоньку, погибшую поне-

воле, но грех от этого не перестает им быть! Но ты не понимаешь этого совсем. До сих пор считаешь себя правым?

– Я не считаю себя ни правым, ни виноватым.

– Понимаю, – с грустью кивнула Вика. – И не сужу, не моя это прерогатива. Я только рада, что смогла сдержать свой страстный порыв в отношении тебя.

При воспоминании о поцелуе, и о том испепеляющем огне, горящим внутри их обоих, у Платона перехватило дыхание, что не замедлило сказаться на блеске в глазах. Если бы перед ним сейчас был выбор, остаться жить и уехать из страны или погибнуть в объятиях Виктории, он, не задумываясь, выбрал бы последнее.

– Даже и не думай, – охладила его девушка, словно прочитав мысли. – Я рада, что ничего не произошло.

– Ты говоришь об этом так, словно подразумеваешь нечто ужасное, – обиделся Платон.

– Отнюдь, совсем напротив. Просто если бы этому суждено было случиться, то только не здесь и не сейчас. Я тебя знаю всего-то несколько часов!

По большому счету, Платон полностью разделял ее взгляды, и видел в глазах то, чего так долго искал в женщинах – искренность. Но от бремени последних событий, постоянного напряжения, простого человеческого страха он совсем потерял голову.

– Не хотела бы переспать с мужчиной, которого не люблю, но ты произвел на меня такое впечатление, которого на меня еще никто ранее не производил, кроме покойного мужа. Поэтому я чуть было не натворила дел.

Платон по-прежнему молчал, чувствуя внутри большое опустошение.

– Ты бежишь из страны? – неожиданно спросила Вика.

Он лишь устало кивнул, перестав чему-либо удивляться.

– И не планируешь возвращаться?

Опять кивок.

Вика хотела еще что-то спросить, но передумала. Она лишь взяла свою подушку, обняла ее, словно ребенка, и уткнулась в нее лицом. Повисла тишина.

Платон, как мог, старался вернуться к реальности, но сам витал своими мыслями далеко. А еще он чувствовал чудовищную усталость, что легла тяжким грузом на измученные плечи. Когда через несколько минут он заметил, что Виктория больше не желает ничего спрашивать, и уткнулась в подушку, то подошел и нежно обнял ее, поднимая лицо. Глаза девушки были полными слез, но она не сопротивлялась рукам. Платон поцеловал Вику, обнял и улегся рядом. Ни говоря более ни слова, они погрузились в глубокий сон, крепко прижимаясь друг к другу, словно два одиноких и несчастных человека, оставшихся на необитаемом острове.

Глава 6

– Вам к кому? – спросила девушка на пропускном пункте одного из самых малоизвестных и частных коттеджных поселков Рублевского направления, чья охрана могла отбить стратегическое нападение группы боевиков.

Водитель назвал фамилию человека, которого плохо знали в стране, но те единицы, которым посчастливилось знать, видели в нем главного помощника Анатолия Меленкова.

Меньше минуты понадобилось на то, чтобы связаться с домом Эммануила Красовского и доложить о приезде гостей.

– Проезжайте, – сказала девушка.

Черный «Кадиллак Эскалэйд» медленно покотился по идеально ровной, ухоженной дороге, проезжая мимо настоящих дворцов, каждый из которых выражал яркую индивидуальность определенного стиля, сочетая в себе гармонию современности с частичками прошлого.

Первый дом, по своим масштабам не уступающий замку шотландского герцога Аргайла на озере Лох-Файн, был построен в стиле викторианской неоготики, которую в литературе называли еще «воскрешенной готикой». Довольно мрачный, но величественный дом из черного камня, расположился правильным квадратом, углы которого венчали четыре остроконечные башни с серой черепицей.

Особняк принадлежал некогда известному шоумену и газетному магнату, который в последнее время редко появлялся на людях, посвящая все свободное время излюбленному хобби – уединению и изготовлению самурайских мечей.

Следом за ним расположился двухэтажный длинный дом в восточном стиле, чем-то напоминающий жилище легендарных сегунов в кинолентах прошлых лет. Сквозь высокий кованый забор просматривались небольшие декоративные деревья и ухоженные дорожки, по которым изредка пробегали мраморные доги.

Кому принадлежал этот дом, водитель машины не знал, с грустью кидая взгляды на бесовскую роскошь, но потом и вовсе перестал смотреть и сосредоточился на дороге, хотя они и проехали еще несколько изысков достижения архитектуры.

«Эскалэйд» достиг небольшого круга, в центре которого красовался шикарный фонтан из белого мрамора. Не смотря на то, что поселок охранялся не хуже «Форд-Нокса», по дороге не встретилось ни одного человека.

Искомый дом Эммануила Красовского притаился в самом конце дороги. Одноэтажный, неповторимый особняк был построен в античном стиле барокко эпохи Возрождения.

Барокко всегда была свойственна роскошь, парадность, декоративность, стремление к величию и пышности. Блестящим примером этого стал католический Рим, а венец творчества – Собор Святого Петра.

Для больших любителей стиля барокко в наше время есть одна небольшая проблема – в барокко сейчас практически никто не строит, а необученным мастерам, даже большим профи в сфере строительства, просто не потянуть. Красовский знал это, и потратил немало сил для розыска квалифицированных специалистов. Но затраты его не разочаровали.

Само здание, казалось, было выбито из одного гигантского камня, можно сказать вылеплено, чем построено. Углубления изящно перетекали в выступы, и создавали впечатление одной сплошной, волнующей и очень пластичной массы. Эффект усиливался обилием декоративных элементов, определенно выполненных с большой изобретательностью. Дом поражал своим искрящимся, динамичным, выразительным и несколько неожиданным дизайном.

Обширная территория вокруг дома впечатляла своей естественностью и гармонично дополняла общую картину. Беседки, фонтаны, прудики, небольшие дорожки и мостики, большой изогнутый бассейн, сверху напоминавший гигантскую анаконду. Далее шла спортивная

зона с двумя грунтовыми кортами для большого тенниса, тренажерным залом, большой деревянной баней и крытым кинотеатром на двадцать персон. Позади участка дом примыкал непосредственно к лесу и имел отдельный выход в него.

«Эскалейд» припарковался на площадке с правой стороны дома. Автоматические ворота закрылись позади. Водитель первым выскочил из машины, открывая дверь директору службы внешней разведки Константину Сергеевичу Ипатову.

– Добрый вечер дорогим гостям, – уныло, но приветливо встретил приезжего Красовский и проводил в свой личный кабинет, где принимал людей крайне редко, словно ревновал пускать посторонних в свою «святыню».

Небольшой кабинет, выходящий окнами на живописные кипарисы, содержал в себе лишь самое необходимое – широкий изящный стол из красного дерева, ножки которого у основания были изогнуты полукругом, большой компьютерный стул, удобный диван. Вдоль стены стояла библиотека, содержащая в себе самые дорогие и редкие экземпляры мировой рукописи, и самый современный компьютер на столе, чей монитор своей диагональю напоминал большой домашний кинотеатр.

В данный момент на столе также стоял специально принесенный кальян из курительной, распространяя аромат фруктового табака на всю комнату.

Красовский устало рухнул в кресло, затянувшись кальяном. Судя по уставшим красным глазам, вот уже несколько часов он находился в состоянии тяжелейшего напряжения. Ипатов расположился на диване, отказавшись курить.

– Полчаса назад мне звонил сын покойного граф Алонсо, прихвостень сам знаешь кого, интересовался произошедшим и напоминал о соблюдении достигнутых соглашений, – начал Красовский, – я сказал, что по всему дам ответы позже, в общем, отболтался как мог. Нам нужен Голиаф!

– Его больше нет, – спокойно ответил Ипатов, методично перебирая декоративные четки. Он вообще всегда выглядел спокойно, даже когда внутри полыхали нешуточные страсти, – там вообще никого в живых не осталось. Можешь мне сказать, какого черта Самсонов совершил все это?

– Много бы отдал, чтобы понять сам, – Красовский поправил тлеющие угольки кальяна, затянувшись из трубки, – но хоть убей, ума не приложу! Толя так доверял этому мальчишке, как к сыну относился! А ведь у него было неизменное чутье на людей.

– Выходит, постарел наш Голиаф, просмотрел предателя, а мы теперь будем расплачиваться за это.

– Что делать-то теперь будем?! – пропустил мимо ушей замечание Ипатова Красовский. – Как служба безопасности могла такое допустить?!

– Не спрашивай, – огрызнулся Ипатов, который очень не любил, когда на него повышали голос. – Из того, что удалось пока раскопать моим ребятам, получается вообще какая-то чертовщина – машина Самсонова, внутри которой был закреплен пулемет неизвестного нам производства, но имеющий базу американского «Минигана», открыла огонь по лобовым машинам милиции, буквально стерев их в порошок. Боковые машины, действуя по инструкции, вышли вперед и пошли на таран, открыв ответный огонь. Скорее всего, машина Самсонова прошла и сквозь них, но уже не стреляя, и детонировала при ударе о заслон кортежа. Столь мощный взрыв может говорить только об одном – взрывчатки было много, даже боюсь представить, сколько в тротиловом эквиваленте! То, что она не взорвалась еще до столкновения, просто чудо! Ведь машина прошла через таран четырех бронированных «Гелендвагенов»!

– Это чудо и нас с тобой похоронит, вот увидишь, месяца не пройдет как!

– Чему быть, – невозмутимо ответил Ипатов.

– Мне бы твое спокойствие, – заметил Красовский. – Главная ошибка службы безопасности в том, что они не смогли распознать предателя в такой близости! Почему это сделал Сам-

сонов?! Кто за ним стоит?! Мы держали на мушке каждого из наемников европейского «Бюро убийств», а не досмотрели поганую мелочь! Алонсо клялся мне, что ни его покровители, ни даже «Римский клуб» к этому не причастны! Да и стоит ли сомневаться в его словах, ведь по плану Толика их братия получила бы абсолютный контроль над миром, и озолотилась бы еще вдвое, хотя куда уж больше. В кои-то веки от нас стала зависеть судьба планеты, и тут обосрались. Боюсь, если не найдем пути выхода, последуем вслед за Меленковым.

– Я бы не стал так категорично, – возразил Ипатов. – СБГ сейчас сильна как никогда. Наша разведка сможет оторваться при необходимости от британской Ми-6, и даже в без Меленкова мы сможем показать зубы.

– Которые с хрустом вырвут в течение месяца, – отмахнулся Красовский. – Совсем забыл, с кем имеем дело? Нас спасла бы только поддержка военной базы «Сокол», но что на ней творится сейчас, я понятия не имею, ведь наше ведомство туда не допускали, а сейчас осталось слишком мало времени для маневра! И давай не будем эти глупости обсуждать больше. Через неделю мы должны быть на последней встрече у наследника Моргана в этом чертовом клубе, постоянно забываю его название...

– «Фордли Кэй» на Багамских островах, – напомнил Ипатов.

– Ага, он самый. Но через неделю мы должны были уже обсудить базовое выполнение плана и подтвердить дальнейшие пути! И что я буду говорить ему и всем остальным?! Проклятые башни до сих пор стоят, а вся страна словно замерла?! Как мы сможем сдвинуть план с мертвой точки без Толика?!

– Да, – согласился Ипатов, – боюсь, что никак. Слишком большую кашу заварил наш Голиаф. И даже если без него нам удастся выполнить часть своих обязательств, касающихся Ирана, доллара и посредников мира, как быть с турками и арабами? Особенно с арабами? Про Евросоюз я вообще молчу. Ты вообще знаешь, с кем Меленков держал связь там? А страны БРИК?

– Догадываюсь, но этого мало, – покачал головой Красовский, – есть вещи, в которые Толя не посвящал никого, слепив новый *Комитет* в рекордно короткие сроки.

– И тем самым не оставил после себя приемника. Ладно, об этом позже. Что по проекту Новый Свет?

– Ты имеешь в виду, что с двадцатью миллиардами, которые перекачали нам заокеанские друзья?

Ипатов кивнул.

– Большинство уже в Китае, – подтвердил Красовский, – как и договаривались. Мы закупили все необходимые материалы и технику. Остаток потратим на оплату рабочей силы, благо время еще есть.

– Понятно. Сколько же сейчас долларов в поднебесной? Хоть примерно знаешь?

– Под самую крышу. Хотя в данный момент меня это мало волнует.

– Кстати, – вспомнил Ипатов, – забыл сказать одну интересную вещь: в «Госзнаке» обнаружили крысу.

– Разве там есть крысы, работающие не на тебя?

– Не смешно, – огрызнулся Ипатов, – мои люди раскололи недавно одного старого работника, который иногда выполнял наши заказы, но пару месяцев назад сделал паспорт, не оповестив никого.

– И кто же этот счастливчик, получивший российское гражданство без согласия государства? – съязвил Красовский.

– Платон Самсонов, получил паспорт на имя Аршавина Сергея Владимировича, еще издеваться будешь?

– Самсонов?! Но зачем?!

– Вот и я тогда думал, зачем? Но сперва решил, что это было с руки Меленкова, даже хотел спросить как-то его, но не успел. Зато потом узнал, что указание дала госпожа Алмазова.

– Анастасия Викторовна? Но это невозможно!?! – почти вскричал Красовский, которому окончательно стало сложно сдерживать собственные эмоции, – она же три месяца как мертва!

– Как мертва!?! – сказать, что новость шокировала Ипатов, значит не сказать ничего. Он даже на миг потерял свое легендарное хладнокровие, но быстро взял себя в руки и повторил вопрос, – как мертва? Почему?

– Тебе рассказать, почему люди умирают!?! – хотел было рассвирепеть Красовский, но быстро сник, – хотя сейчас уже скрывать нечего. Алмазова была в курсе почти всех махинаций Меленкова, наверняка больше нашего знала о предстоящих событиях, и хотела переубедить Толю делать все это. Поняв, что уговорами не добьется ничего, она готова была обратиться за помощью к властям и попытаться остановить его. Толя узнал об этом, и приказал убрать Алмазову. Один из бойцов Тони четко выполнил приказ.

– Ну и дела.

– Не говори, – кивнул Красовский. – Но самое интересное, что того бойца вскоре обнаружили мертвым за рулем собственной машины, представляешь? На авто ни следов, а внутри труп. Врачи подтвердили разрыв сердца. Это у первоклассного-то бойца!

– Бред какой-то, – согласился Ипатов.

– Машина, кстати, была и числа знаменитого спецзаказа для бывшей «Контры». Потом ее передали Самсонову.

– Из числа спецзаказа? Да в своем ли вы уме отдавать такое сокровище мальчишке?! А мои ребята головы ломали, как так машина смогла живой проскочить таран бронированных джипов!

– Это Толя отдал машину, я тоже был против.

– Ну ты меня сегодня озадачил не на шутку, – признался Ипатов, – я даже забыл, зачем сказал тебе про паспорт.

– Не потрудись вспомнить, – попросил Красовский.

– Неделю назад им воспользовались, купив два билета: один на поезд до Петербурга сегодняшним вечером, второй на самолет в Дубай завтрашним днем. Я тогда не обратил на это должного внимания, сам знаешь, Толя делал многое без нашего ведома,

а с Самсоновым у него были особые отношения. Вот я и подумал тогда, мол, поручил парню чего, и не стал вникать. Да и вообще узнал об этом случайно, поскольку поставил этот паспорт под полный контроль, сам не знаю почему. Вот, как видишь, пригодилось.

– Чего же ты раньше молчал?! – вскипел Красовский.

– Да говорю же, думал Меленкова затея! Мои люди сразу после покушения кинулись на вокзал, но поздно – поезд уже отошел. Я дал указание взять неизвестного в аэропорту.

– Думаешь, это Платон?

– Понятия не имею, – развел руками Ипатов, – но мы должны выяснить это.

Красовский хотел еще что-то спросить, но лишь глубоко затаился, выпуская в воздух широкие круги ароматного дыма, и с гордостью посмотрел на творение собственных губ.

– Возьмите Иуду и приведите сюда, – сказал он потом, – хотя по большому счету это ничего уже не изменит. Без Толи, боюсь, вся наша схема накроется медным тазом.

– И не только наша, – подхватил Ипатов, – *Комитет* не сможет повернуть задуманное без выполнения обязательств с нашей стороны. Слишком многое висело на Меленкове.

Оба сокрушенно вздохнули, признавая справедливость суждений.

– Есть ли во всем этом положительные стороны? – спросил вдруг Красовский.

– Разве что для людей – мир не содрогнет то, что вы задумали.

– Пока, – возразил Красовский. – Когда возьмешь Платона, или кто там будет, постараемся хоть как-то пролить свет на всю эту историю. Может, и всплывут какие занимательные факты.

– Сделаем, – кивнул Ипатов.

Он хотел было добавить пару собственных идей, которые возникли в голове совсем внезапно, но их отвлек звонок телефона, лежащего на столе.

Красовский посмотрел на номер: не определен.

– Да, я слушаю, – услышав голос звонившего, Красовский побледнел и понял, что все еще может кардинально измениться...

Глава 7

Платон чувствовал внутри себя большое волнение – это не было связано со страхом от возможной погони, да и вообще со сторонниками Меленкова, а относилось лишь к девушке, с которой он познакомился несколько часов назад. Проспав около двух часов, они проснулись практически одновременно, но не вставали.

Платон лежал на боку спальной полки, нежно обнимая Вику. Она медленно водила пальцами по его волосам, изредка целуя то в лоб, то в губы. Долгое время оба молчали, просто смотрели друг на друга, обнимались, не решая нарушить тишину, в которой не было ничего, кроме их всеобъемлющего чувства.

«Чувства?» – подумал Платон. Разве это возможно? А если и возможно, то почему здесь и сейчас?!

Первой мыслью его после сна было то, что он не хочет никуда отсюда уходить, и вообще по возможности остановить время, навсегда оставшись с Викторией в двухспальном купе. Волнительное и волшебное чувство, которое охватывает всех влюбленных, и помогает им забыть обо всем, идя на самые отчаянные и необдуманные шаги, разгорелось в Платоне не на шутку. Он так давно не испытывал ничего подобного, что поначалу даже испугался. Но потом все же понял, что произошло, и почувствовал внутри себя такое счастье, что накрыло волной все-все-все-все тревоги, да и вообще заполонило все. Это было неопишимо, непередаваемо, чудесно и божественно!

Дошло до того, что Платон стал считать секунды, и даже старался поделить их надвое, лишь бы полностью насладиться счастливым временем, ведь в глубине души он отлично понимал, что все это скоро закончится. Смотри в глаза Викторией, такие же взволнованные, он чувствовал тепло ее души даже больше, чем тела. Ее энергия вливалась в него, ее чувства заполняли его пустую, и давно поросшую паутиной чашу любви. И даже ничего более Платон пожелать не мог, настолько был счастлив. Он не думал и старался не вспоминать недавний разговор о «крови и чувствах». И девушка больше об этом не вспоминала.

– Я бы никогда тебя не отпускала, – прошептала, наконец, Вика, хотя и без слов здесь было все понятно, – но через час поезд приедет в Питер, и остаться здесь нам вряд ли кто-нибудь позволит.

С неохотой Платон признал справедливость ее суждений. Голова стала напряженно работать.

«Это все, конец? И больше я ее никогда не увижу?!»

От поступивших мыслей хотелось отчаянно завывать, кинуться на стену и погрызть ее зубами.

– Когда твой самолет? – спросила Вика.

– В четыре, – ответил Платон, усиленно думая, как можно заставить время остановиться навсегда до четырех часов.

– Какие были планы до этого времени?

Платон лишь развел руками, показывая, что никаких планов у него не было.

– Давай проведем это время вместе? – предложила Вика.

«Готов отдать все на свете ради этого».

– Готов отдать все на свете ради этого, – повторил свои мысли Платон, и был искренен, как никогда.

Вика весело улыбнулась, немного покраснев.

– Заедем ко мне домой, надо принять душ и переодеться, – сказала она. – Сынуля все равно до завтра у бабушки.

Платон согласно кивнул.

– Вызвать такси?

– Не надо, у меня машина на стоянке недалеко от вокзала.

Новенькая «Тойота Королла Версо» действительно стояла на том месте, где была оставлена Викой две недели назад.

– Давно был в Петербурге? – поинтересовалась девушка.

– Давненько, – признался Платон.

– Хорошо, поедем через центр, освежу твою память.

Вика с энтузиазмом рассказывала про исторические достопримечательности северной столицы, проезжая мимо каждой из них, пока они не развернулись на Васильевском острове и не направились в сторону тихого спального района на севере Петербурга.

Светлая, просторная двухкомнатная квартира Вики могла служить образцом красоты и уюта. Платон никогда не видел, чтобы все вещи были настолько гармонично размещены по всей площади, словно каждый уголок квартиры был изначально создан под конкретную деталь.

В детскую он заглянул лишь один раз и разместился в зале, посреди которого стоял большой напольный телевизор. Правее от него расположился декоративный глобус-бар, внутри которого хранилось собрание изысков алкогольной продукции. На стене висела красивая картина, напротив – портрет ребенка, белокурого мальчика с выразительными, голубыми глазами. Кожаный диван с двумя просторными креслами стояли полукругом вдоль стены. Пока Вика принимала душ, Платон включил телевизор, устало рухнув на диван.

Как и следовало ожидать, практически все телеканалы муссировали произошедшее вчера.

– Россия не сразу поймет и осознает степень трагической утраты, произошедшей накануне вечером, – комментировала ведущая телерепортаж, в котором показывали краткие нарезки выступлений Меленкова, его встречи с лидерами разных стран, основные выполненные проекты, достижения за время государственной службы и после ухода с нее, просто фотографии в рабочей обстановке. – Всех его званий и наград сложно перечислить – «Почетный архитектор России», «Почетный гражданин России», «Человек года 1998, 1999, 2001, 2002, 2005 и 2008 в номинации «Экономическое возрождение России», победитель конкурса «Строитель года 2008 года за проект Новый Свет». Лауреат Национальной общественной премии имени Петра Великого. Награжден орденом Почета, орденами Святого Георгия Победоносца, Сергия Радонежского, Святого Благоверного князя Даниила Московского первой степени, Святого князя Александра Невского первой степени, «Международная Слава», золотой медалью Ассоциации промышленников России за вклад в сохранение экологии, и, наконец, «Орденом за заслуги перед отечеством 1 степени» за вывод страны из кризиса 1998 года. Имеет почетный знак «Лидер российской экономики». Анатолий Меленков был едва ли не самой яркой личностью современного мира, оставив после себя огромное наследие. Сегодня все вспоминают о нем как о человеке, твердо державшем свое слово и помогавшем каждому, кто обращался за помощью.

Президент начал заседание Совета Безопасности с минуты молчания. Депутаты Федерального Собрания...

Платон выключил телевизор, услышав, как Вика вышла из душа. В одном полотенце и с мокрыми волосами она проскочила в смежную комнату.

– Как ты хочешь провести остаток времени со мной? – спросила Вика позже, заканчивая варку мускатного кофе, аромат которого наполнил всю кухню.

– Я просто хочу быть рядом, – ответил Платон, – давай сходим в ресторан, погуляем по городу, проплывем на катере по каналам.

– Звучит заманчиво, но накормить я тебя и дома могу, а потом можно и погулять.

– Нет, не сегодня, – возразил Платон, – я ни сколько не сомневаюсь, что приготовленное тобою будет выше всех похвал, но сейчас хочу озадачить этим какого-нибудь шеф-повара. Назови мне самый лучший ресторан в городе?

– Если честно, в этом я не лучший экскурсовод, но на Невском есть очень хороший ресторанчик с отдельными кабинками.

– Значит, решено!

На улице стоял ясный, солнечный день, изредка балуя город легким ветерком. Люди спешили по своим делам, мало обращая внимания друг на друга. Машины нервно толкались в пробках, возмущенно сигналив братьям по несчастью. И город жил привычной суетой, с грустью и юмором наблюдая за своими обитателями, словно хотел по-отечески мудро окликнуть всех сразу: «Люди! Опомнитесь! Оглянитесь вокруг! Кроме ваших надуманных проблем есть вещи и поважней, не забывайте о них!»

Но если бы город и вправду мог слышать, говорить, наблюдать, этим утром он обратил бы все свое внимание на двух молодых и красивых людей, которые медленно шагали по центральным улочкам, взявшись за руку и говорили, смеялись, как дети удивлялись красоте и величию таких шедевров, которыми там богат Санкт-Петербург. И время словно остановилось вокруг них, замерло, с удивлением наблюдая за образцом чистой, ничем не омраченной любви.

– Я хочу больше знать о тебе! – сказала вдруг Вика, отправляя официанта с готовым заказом. Они наконец-то дошли до искомого ресторана, расположившись в уютной, огороженной кабинке. – Только прошу тебя, давай не будем о том, что произошло вчера, я не хочу сегодня омрачать этот день. Расскажи мне о своей жизни, – улыбнулась она.

– Прости, – развел руками Платон, – я не лучший рассказчик, и не люблю говорить о себе, тем более что в двух словах тут не опишешь.

– Это хорошо, значит, есть о чем рассказать. Ты не смущайся, у нас впереди получасовое ожидание фирменного блюда, а бутылка превосходного вина никак не помешает тебе. Начинай!

И Платон уступил, начав бессвязный, во многом повторяющийся рассказ о своей жизни. Он перескакивал с детских лет на юношеские, если порой забывал упомянуть что-то интересное. Вспоминал родителей и друзей. Говорил о самых счастливых событиях в собственной жизни, но не обошел и те, что убивали горем. Разумеется, он не уложился в полчаса, и многое осталось только в памяти.

Про работу в корпорации «Голиаф» не было сказано ни слова, да и вообще все, что было связано с Меленковым и с работой, он старательно замолчал.

Вика внимательно слушала, порой улыбалась, иногда сокрушенно качала головой, а пару раз чуть не расплакалась, но сдержала себя, лишь нежно погладив руку Платона. Люди, понесшие потери близких, очень хорошо понимают друг друга.

– Иметь хороших друзей большое счастье, – чуть позже сказала девушка, – у меня, к сожалению, таких нет, и только маме я могу порой поплакаться обо всех своих проблемах. Мне очень жаль, что твои родители не дожили до сегодняшнего дня, они бы точно гордились тобой!

Платон лишь слабо кивнул, словно соглашаясь с похвалой в собственный адрес.

– И, тем не менее, живым надо продолжать жить и строить свое счастье. Ты больше никогда не вернешься?

Его сердце больно заныло, но от ответа было не уйти. А ведь с каждой минутой Платон все больше старался не думать о том, что будет дальше, и сможет ли он еще увидеться с Викторией.

– Я... я не знаю, – скорее, это была правда, ведь по большому счету Платон и не думал о том, сможет ли когда-нибудь вернуться в Россию. Больше всего он думал о том, сможет ли сейчас из России вырваться.

– Значит, я все же не обманываюсь. Мы больше никогда не увидимся.

– Это было бы самое жестокое наказание в моей жизни, это точно, – с уверенностью произнес он, и вроде заметил на лице девушки тень облегчения.

– Если ты не сможешь вернуться, разве я не могу навестить тебя там? – неожиданно спросила она.

– Пожалуйста, наше фирменное блюдо «Чилийский сибас», – подошел официант, расставляя принесенный обед, – подается с нежным картофельным пюре и черным трюфелем.

Посередине стола он поставил также большую тарелку королевских тигровых креветок с цикорией под ароматным цитрусовым соусом.

Платон с волнением и благодарностью посмотрел ей в глаза, давая понять, что о большем он и мечтать не мог.

– Я и не смел бы просить тебя об этом, – признался он, – ведь миг, когда я проснулся в том вагоне и увидел тебя впервые, был лучшим мигом в моей жизни. Прости, если говорю лишнее, но это чистая правда.

Вика широко улыбнулась.

– Знаешь, наша жизнь может быть и жестока, и скучна, – заговорила она, – может сломить человека горестями, а может наоборот – возвысить до небес. Кто-то сам строит свою жизнь, другой плывет по течению, третьего строят остальные. Поверь, я прошла практически через все это, была и в роли строителя, и в роли стороннего наблюдателя, могла согнуться под тяжестью бед, и одновременно возрождалась, как легендарная птица Феникс. Но такой счастливой, как сегодня, я не чувствовала себя очень давно, и могу лишь искренне отблагодарить Бога за это. Ради таких моментов стоит жить и верить в лучшее.

Платон почувствовал, как к горлу подкатил большой ком.

– Я очень хочу поверить тебе, хотя и чувствую внутри, что говоришь правду, – продолжала Вика, – когда ты сможешь сообщить мне, где остановился?

– Не знаю, но думаю что не раньше, чем через месяц.

– Хорошо, – кивнула Вика, – давай пообедаем, я проголодалась.

– Давай, а потом я хочу посетить с тобой Петергоф, успеем?

– Сколько до самолета?

– Часа четыре.

– Никак нет, – покачала головой Вика. – Времени слишком мало. Максимум, что мы сможем, так это пройтись вдоль Зимнего Дворца, а потом ты отправишься в аэропорт. Прости, но я с тобой не поеду, ненавижу прощаний в таких местах.

– Да, конечно, я понимаю, – с грустью сказал Платон.

После ресторана они пешочком прогулялись до площади Зимнего Дворца, красивейшего творения всех времен, и прокатились на карете, запряженной лошадьми.

Но время летело неумолимо, и час отлета приближался все ближе и ближе, как не старался Платон его отогнать. С каждой минутой на душе становилось все тоскливее, пока Вика в который раз не напомнила о том, что жизнь стоит ценить именно такими моментами, когда от счастья захватывает дух, когда горячее сердце разгоняет кровь с особым наслаждением.

И действительно, от подобных мыслей стало легче. Платон даже удивился способностью девушки думать именно под таким углом, и где-то в глубине души ревниво заподозрил Вику в отсутствии столь сильных чувств, что заполонили его самого. Но это было неправда, просто девушка оказалась немного мудрее в этом отношении.

– Я понимаю, что многого не договариваю, но прошу об одном, пожалуйста, верь мне, – говорил Платон перед отъездом в аэропорт. – Мне будет гораздо легче жить, если буду знать, что ты веришь моим словам и чувствам.

Вика в свою очередь также не хотела врать и лукавить душой, ведь внутри все же был некий огонек сомнения в происходящем, но умоляющий вид Платона был настолько искренен,

что простой смертный человек, даже великий актер в жизни не смог бы сыграть лучше, если бы не испытывал подобное.

– Да, я верю тебе, – поток нахлынувших чувств был слишком велик, чтобы сдержать его, и слезы ручьем покатались из глаз, блестя на солнце.

Платон с нежностью обнял девушку, прошептал самые дорогие слова, хотя и не думал говорить их.

– Я люблю тебя, пусть даже и знаю не больше дня, но все равно люблю.

Вика не смогла ответить, тратя все силы на то, чтобы окончательно не разрыдаться, однако в последнюю минуту все-таки взяла себя в руки, вспомнив один пикантный момент, который сразу же полоснул по сердцу кинжалом.

– Сергей, перед тем как ты улетишь, я хотела бы кое о чем попросить.

– Проси все, что угодно, – с удивлением от резкого изменения в девушке произнес Платон.

– Там в поезде, когда я только пришла, а ты еще спал, – Вика говорила медленно, словно боясь довести вопрос до конца, – во сне ты произносил имя... *Настя*.

Платон задумался.

– Пойми, я не хочу омрачать наше прощание, – осторожно продолжала Вика, – но ты только что сказал такие слова... и вообще, за последние сутки столько всего...

– Не надо, я все понимаю, – перебил девушку Платон, – я говорил то, что чувствовал, и отказываться от своих слов не собираюсь. *Настю* ты можешь не ревновать, ее больше нет на этом свете.

– Прости. Она была твоей девушкой?

Платон посмотрел на нее столь пристально, словно хотел заглянуть в душу, и ответил со всей невероятной правдой:

– Нет, она была моей... *машинной*.

Аэропорт «Пулково» был весьма многолюден, хотя что еще можно ожидать от аэропорта. Пройдя первый контроль багажа, Платон запаковал специальной пленкой небольшой саквояж и направился на поиски нужного терминала, возле которого уже выстроилась солидная очередь.

Заняв место в конце, он старался думать о чем угодно, но только не о Вике. Нельзя сказать, что ему удалось добиться успехов в этой области, только зря обманывая собственную голову.

«Почти сорок лет, а влюбился как мальчишка! Разве такое возможно?»

Оказалось – возможно, и слова любви, которые Платон говорил Вике на прощание, шли от самого сердца. И хотя большинство людей скептически отнеслось бы к подобным чувствам, у которых возраст не более дня, Платон был уверен в себе.

Он бы и дальше размышлял о внезапно обретенном счастье, но почувствовал на себе пристальный взгляд.

Обернувшись, Платон встретился глазами с молодым мужчиной в темных джинсах и кожаной куртке. Тот быстро отвернулся, но Платону хватило мгновения, чтобы определить заинтересованный взгляд профессионала.

Быстро перехватив стоящий рядом саквояж, Платон хотел было двинуться прочь от терминала, но почувствовал легкий укол, практически комариный укус, и застыл как вкопанный.

Сознание поплыло, силы стали отпускать его. Пытаясь бороться с внезапным наваждением, Платон схватился рукой за ближайший поручень, стараясь сосредоточиться. Но действие лекарства брало свое, и ноги вскоре окончательно подкосились – он рухнул на пол, теряя сознания уже в полете.

– Помогите, человеку плохо! – слышалось где-то очень далеко, словно из потустороннего мира.

А потом сильные руки схватили Платона и потащили прочь из аэропорта.

Часть 2. Восхождение

Глава 1

За последние три года я понял две главные вещи – ничто не вечно, и даже самый прочный мир в твоих глазах может рухнуть в мгновение ока. Практически также было и у меня. Вспоминая об этом времени позже, я с трудом мог определить, с чего же собственно все началось, и на каком отрезке пути судьба решила пропустить через мое тело и душу самый настоящий ад, подвергнуть мою жизнь самым тяжким испытаниям и навсегда убить во мне прежнего человека. Чем руководствовался Бог – сломить меня навсегда, превратив из личности в общественный овощ, или же возродить нового, более сильного, устойчивого человека – я так и не узнал. Но после всего произошедшего с уверенностью мог сказать, что одну жизнь пережил и родился заново.

Люди говорят: «больше боли – ближе к Богу». Ежели это так, то никогда я не был так близок к Богу, как в то проклятое время, и мне казалось, что всевышний вот-вот заговорит со мной, услышит, и даже можно будет до него дотронуться, лицезреть, задать самый сокровенный вопрос: «ПОЧЕМУ Я?!».

А началось – как показывает память – все с того, что моя родная, потом и кровью поставленная на ноги фирма вдруг перестала быть моей. Позже это стали называть рейдерским захватом, и государство даже попыталось бороться с этим явлением российской жизни, для которого почва была возвращена задолго до распада СССР.

Тогда же мы просто попытались обратиться за помощью к местным авторитетам, которым регулярно приплачивали с доходов, потому как в милицию с подобными жалобами было идти бесполезно. Как вспоминаю сейчас, «переговоры» между представителями криминогенной среды не дали особого результата, и мы пробовали идти дальше собственными силами, за что и получили травмы различной степени тяжести: моим друзьям Артему и Сергею сломали нос и челюсть соответственно, я же отделался переломом ребра и сильными ушибами по всему телу.

Уже в больнице я обдумывал планы дальнейших действий, отчаянно ища хоть какие-то пути – очень уж не хотелось оставлять фирму бандитам.

На дворе шел 1996 год, и если сказать, что время было лихое, значит сильно преуменьшить и смягчить описание того дикого периода. Последние пять лет на дворе были настоящие джунгли, где велась самая яростная война за бездонные богатства нового государства.

Люди становились обладателями миллиардов в мгновение ока, и в это же самое мгновение падали жертвами жестоких и беспощадных конкурентов, которые в свою очередь тоже недолго наслаждались обретенной роскошью, продолжая сменять друг друга с поразительной быстротой, и лишь самым изощренным единицам удавалось держаться в строю. Все это сильно напоминало дьявольский танец кровавой колесницы жизней, мерзкий круговорот самых отвратительных пороков человека, что в один момент соединились в единое торнадо, уничтожающее на своем пути все положительное, доброе, светлое. И так было практически с каждым, кто решил соприкоснуться с реалиями бизнеса – нового слова новой России – того времени и попытать собственное счастье на поле боя, где буквально приходилось ходить по трупам.

Человеческая жизнь утратила свою ценность, если ее вообще можно было измерить. Люди быстро забыли, сколько любви и трудов было вложено в каждого из них, сколько собственных сил и времени вложили родители в каждое любящее дитя.

Вы когда-нибудь наблюдали за строительством большого дома? От заливки фундамента до кладки последнего кирпича? Это минимум год каждодневной работы целого муравейника людей. Но снести построенное можно в течение минуты.

А человеческая жизнь строится гораздо дольше, и сил в нее вкладывается несравнимо больше, а сколько в процессе строительства участвует людей вообще представить сложно. И если бы человек мог действительно задуматься обо всем этом перед тем, как хладнокровно отобрать жизнь у другого из-за денег, вражды, власти или чего еще – смертей было бы меньше.

Да ну ладно, потянуло на философию. Вернемся к реальности.

Вполне возможно, что сейчас, когда многое из прошлого давно утекло, все видится гораздо ужасней. На самом деле настоящий ад для России начался гораздо раньше.

Известный журналист Павел Хлебников, ныне покойный, в одной из своих книг кратко охарактеризовал основные этапы крушения и грабежа российских богатств:

«во-первых, в 1992 году демократы отпустили цены до проведения приватизации и тем самым вызвали гиперинфляцию. За несколько недель сбережения подавляющего большинства граждан страны превратились в прах, уничтожив надежду построить новую Россию на фундаменте сильного внутреннего рынка.

Во-вторых, демократы субсидировали коммерсантов – молодых людей со связями, которые сколотили состояния, взяв на себя роль торговых государственных монополий и нажившись на огромной разнице между старыми внутренними ценами на российские товары и ценами мирового рынка.

В-третьих, вслед за гиперинфляцией, уничтожившей сбережения россиян, ваучерная приватизация Чубайса в 1993—1994 годах была проведена некомпетентно. В большинстве случаев граждане просто продали свои ваучеры за несколько долларов брокерам, либо бездумно вложили их в пирамиды, вскоре рухнувшие. Мог возникнуть мощный класс акционеров, но этого не произошло: промышленные активы России вследствие приватизации Чубайса оказались в руках коррумпированных директоров предприятий либо в руках новых московских банков.

В-четвертых, Чубайс и его сподвижники субсидировали эти новые банки, давая им ссуды Центрального банка по отрицательным (для государства) процентным ставкам, передавая им счета государственных учреждений и организуя рынок государственных ценных бумаг в угоду этим банкам.

Наконец, при проведении в 1995—1997 годах залоговых аукционов оставшиеся сокровища российской промышленности Чубайс распродал по номинальным ценам группе своих».

Мне сложно судить о том, что происходило за пределами Москвы, но в самой столице творилось нечто невообразимое: бандитская война захлестнула город, затронув все доходные области. Любой привлекательный бизнес подвергался нездоровому вниманию и нажиму со стороны бандитов, и не только – по слухам, даже офицеры группы «Альфа» подрабатывали на стороне рэкетом! Элита российских спецслужб!

Господи, пусть эти слухи ими и останутся.

После всего пересказанного Вы справедливо заметили бы, что открывать собственное дело было полным безумием, но я все-таки решил рискнуть и не проиграл. Во многом мне помогли и поддержали близкие друзья, которые со временем оставили собственные работы и полностью переключились на наше теперь единоличное дело.

А занимались мы в основном продажей столичной недвижимости, параллельно развивая направление по ремонту квартир. Риэлтерское дело только-только зарождалось в тяжелых условиях новой России, и сказать, что мы обладали достаточным опытом для противостояния с настоящими профи, прошедших многолетнюю школу работы зарубежом и теперь внедряющих западный сервис услуг на полях многострадальной родины, значит откровенно соврать,

тем самым сильно зависив собственную самооценку. Нет, у нас не было ни знаний, ни тем более опыта, но хватило мозгов не проводить экспериментов самим.

Я нанял первоклассную команду работников, прошедших огонь, лед и медные трубы в Германии, Франции и Швеции. Разумеется, на это ушло солидная сумма денег, но того стоило.

Кстати, по поводу денег, я совсем забыл упомянуть, каким образом в руках двадцатичетырехлетнего парня оказалась весомая сумма.

В начале 90-х мне удалось побывать в Германии и узнать, что множество старых грузовых машин обречено на утилизацию новый закон в защиту экологии и окружающей среды.

Дело в том, что норма углерода газовых выхлопов превышала установленные нормы, и эксплуатацию таких машин запретили.

За 1991 год мне с друзьями удалось перегнать в Россию и растаможить более тридцати грузовых автомобилей, которые выкупались буквально за копейки (одну фуру купили вообще за 5 марок!).

Машины привозились в Москву, и после получения «нормальных» документов продавались на месте.

Заработать, как оказалось, было не сложно, сложно было удержать занятые позиции. Поэтому вернемся к фирме, у штурвала которой теперь стояла сильная команда, способная преодолевать штормы любой сложности. Все вместе мы стремительно ворвались в этот новый бизнес, громко заявив о себе. Первоначально я и мои друзья были скорее сторонними наблюдателями, лишь контролируя процесс, а заодно набираясь собственного опыта у профессионалов, но позже стали грамотно дополнять общую картину, более смело высказывая собственные идеи.

Грамотная рекламная политика, индивидуальный подход к клиентам, работа лишь с юридически «чистыми» квартирами сыграли свою роль, заработав компании хорошую репутацию, и возможность для дальнейшего, успешного развития.

Не зря ведь на глаза Воронову попала именно моя фирма.

Да, я слышал об этом человеке – набирающим силу и авторитет на устойчивых полях столичной воровской жизни – и раньше, но даже в самых страшных мыслях не думал, что именно он станет первым камнем, полностью разрушившим мою прежнюю жизнь.

Сначала фирма была юридически переоформлена на дочернюю компанию группы «Виктория» (о чем я узнал лишь спустя неделю), главной легальной опоры Воронова. Потом наш офис на Арбате, оплаченный, кстати, на год вперед, был оккупирован новой командой управленцев и брокеров. Вся дорогостоящая реклама, также оплаченная на полгода вперед, наработанная база квартир, застройщиков, все перешло в руки захватчиков.

А ведь случись подобное годом ранее, Воронова бы просто стерли в порошок. Дело в том, что дядя моего друга Сергея Макарова, старший брат его отца Михаила, был одним из руководителей «Аэрофлота».

Понимая и оценивая его высокий полет, мы, тем не менее, никогда не обращались к Максиму Олеговичу с корыстными предложениями. Просили лишь посодействовать в плане защиты в случае неприятностей. И Михаил Олегович нам не отказывал.

Хорошо и по-дружески общаясь с мэром Москвы Юрием Лужковым, на одном столичном мероприятии он познакомился и с другом мэра Владимиром Гусинским, успешным банкиром и медиа-магнатом, владельцем телеканала НТВ и группы «Мост». Бывший театральным режиссер Гусинский, несомненно, был приятен в общении, и вскоре их отношения перешли и в деловую сферу. Дело в том, что в том же 1995 году «Аэрофлот» выделил правительству Москвы кредит на сумму 80 миллионов долларов, которые прошли через счета «Мост-Банка». Средства возвращены не были, и начался скандал, но все это уже было позже.

Служба безопасности Гусинского по слухам превышала тысячу человек и была оборудована по последнему слову техники. Эта структура, представляющая собой мини-КГБ, со своей разведкой и контрразведкой, аналитическим отделом и службой наружного наблюдения, состояла из профессиональных «борцов с инакомыслием», то есть, из работников печально знаменитого 5 управления КГБ

Помимо бывших сотрудников КГБ, туда попадали подающие надежды спортсмены и профессиональные наемники.

Более мощной негосударственной силовой структуры еще надо было поискать!

Такая мера предосторожности была не лишней, поскольку после совместного развала всемогущего КГБ, произведенного Ельциным и Горбачевым, в стране рухнула реальная опора грубой физической силы, способная хоть как-то сжать в свой кулак и преступность, и многое другое. Пришедшие на смену КГБ министерства и ведомства на деле явились лишь тенью могучего предшественника.

Исключения составляли Служба Внешней Разведки Е. М. Примакова и Служба Безопасности Президента А. В. Коржакова, но первая работала в весьма деликатной и специфической сфере, а СБП Коржакова изначально не была рассчитана на тотальную борьбу с организованной преступностью – размеры не позволяли.

Поэтому к началу кровавой бандитской войны, что захлестнула Москву в начале 90-х, власти города были не подготовлены, и поэтому не смогли ее остановить.

Большой хозяйственник Юрий Лужков, который даже в самые тяжелые годы умудрялся отстаивать интересы столицы – это факт, в Москве всегда выплачивались заработные платы бюджетникам и пенсии, строились дома, дороги, инфраструктура, создавались условия для иностранных инвестиций, поэтому пусть многочисленные враги и противники Лужкова всегда помнят об этом – в то время открыто признавал, что на прекращение бандитской войны ему просто не доставало возможностей.

А воевали славяне с чеченцами, которые вторглись на давно поделенные поля столицы незадолго до распада СССР. Против чеченцев выступала и вся воровская среда, так называемые воры в законе, большинство из которых были выходцами из Грузии.

Воевать за что было, несомненно – автопром, металл, нефть, газ, банки, казино и многое другое.

Поэтому Владимиру Гусинскому, видному банкиру и медиа-магнату просто необходима была собственная служба безопасности.

Лично я был в офисе группы «Мост» лишь раз, почти год тому назад.

Бандитская война старалась затронуть все прибыльные области, в том числе и недвижимость, и один раз наш офис подвергся откровенному рэкету со стороны солнцевской преступной группировки. Ничего не скажешь, беспощадная организация.

В последний раз я обратился тогда к Максиму Олеговичу за помощью, и он не отказал.

Но предупредил, что мне необходимо будет подъехать лично к Гусинскому и выложить суть дела – связываться с солнцевскими, даже по большой просьбе товарища, тому явно не улыбалось.

Рано утром я подъехал к зданию правительства Москвы на Новом Арбате, в котором размещался один из офисов «Мост-Банка», и был препровожден в кабинет к Гусинскому, с которым проговорил около часа.

Владимир Александрович, который по началу весьма холодно попросил изложить ситуацию – наверное, жаль было драгоценного времени, которое приходилось тратить на незнакомого парня – со временем немного оттаял, и переменил свое отношение. Я явно ему понравился. Более того, в прошлом нас связывали общие интересы – еще в школьные годы я играл в местном театре и мечтал о карьере актера.

От случайных знакомых я узнал, что мои ближайшие коллеги, владельцы агентств по недвижимости, также подвергались напору со стороны солнцевских, чем под конец разговора поделился с Гусинском.

Хорошенько поразмыслив и прикинув возможные риски, тот все-таки решил вмешаться и помочь. Я не особо обольщался собственным участием в данном решении. Просто Владимир Александрович скорее всего понял – если солнцевские пошли на риэлтерство по всем фронтам, то в будущем ему самому придется с ними столкнуться.

Дело в том, что годами ранее правительством Москвы в собственность СБ «Мост» были переданы семь зданий общей площадью более семидесяти тысяч квадратных метров. Это была весьма ценная элитная недвижимость. И благодаря такому «подарку» группа активно занялась риэлтерской деятельностью.

Благодаря лишь одной сдаче в аренду офисов Гусинский мог зарабатывать несколько миллионов долларов в год. Разумеется, наши интересы при этом никак не пересекались, и Владимир Александрович даже посочувствовал мне напоследок.

Но самое главное, помощь я получил – посредством участия службы безопасности Гусинского удалось загладить конфликт, и солнцевские отступили.

Разумеется, я и мои друзья были на седьмом небе от счастья, и на момент даже почувствовали себя неуязвимыми. Но реальность быстро ударила по голове.

Вскоре «Аэрофлотом» всерьез заинтересовался другой российский олигарх Борис Березовский. Его приемы ведения бизнеса были отшлифованы и проверены на деле еще на АвтоВАЗе. Если другим российским миллиардерам для получения доходов с предприятий требовалась приватизация последних – Борис Абрамович действовал иначе. Более того, он даже мог юридически вообще не соприкасаться с конкретными предприятиями и не входить в состав правления.

Вся процедура проходила несколько этапов. Для начала нужно было ввести в правление проверенных людей, которые подготовили бы почву для будущего грабежа. Затем перевести львиную долю доходов и расходов под свой контроль и через специально созданные фирмы благополучно доить «золотого теленка».

В итоге Березовский, подобно клещу нападал на здоровый организм, высасывал из него все соки, и благополучно отпускал на банкротство. Так было с АвтоВАЗом, так предполагалось и с «Аэрофлотом».

Михаил Олегович, разумеется, знал о печальной славе Бориса Абрамовича, и с самых первых попыток посягательства на «Аэрофлот» встал нерушимой стеной, параллельно подстрекая правление на быстрый и четкий отпор олигарху.

Через месяц он пропал, а еще через неделю тело Михаила Олеговича было обнаружено в Москве-реке, а Березовский, посредством президента, сумел снять главу Аэрофлота и назначить своего человека.

Мы очень сильно переживали по поводу смерти Михаила Олеговича, переживали обычным человеческим горем, даже не подозревая тогда, что лишились самой надежной защиты.

Правда, с тех пор серьезных проблем на горизонте не возникало, а мелочи мы и сами в состоянии были решить. Иначе дело повернулось с Вороновым.

И, тем не менее, у нас была так называемая «крыша» (силовое прикрытие), которая за последний год менялась не менее пяти раз по мере ухода из жизни ее участников, но противостоять бригаде Воронова не смогла. Попытка выполнения своих прямых, оплаченных обязанностей была жестоко пресечена, в результате чего своего «членства» в упомянутой «крыше» лишились семь человек, еще пятеро попали в реанимацию, двое на всю жизнь остались инвалидами.

Со мной и моими друзьями поступили более гуманно, и теперь, лежа в больнице, я продолжал искать пути решения сложившейся проблемы. И вновь допустил ошибку. Самым вер-

ным решением было бы оперативно создать другую созвучную фирму и продолжать работу, благо сработавшая команда оставалась в строю, все наработанные выходы на застройщиков, продавцов, клиентская база и прочие рабочие моменты либо также остались у брокеров, либо быстро восстанавливались. Да и занимались мы отнюдь не благотворительностью, поэтому денежный запас прочности присутствовал. В общем, были все рычаги для повторного рывка, но я этого не сделал.

После выписки я продолжил борьбу.

«Любое зло должно быть наказано», – крутилось у меня в голове.

На этот раз подключили прокуратуру, возбудили уголовное дело. Пошли проверки, следователи как термиты вгрызлись в указанный отрезок фактов, но тщетно – захват компании идеально прошел все правовые стадии, и даже данные в налоговых органах полностью соответствовали плачевной для меня действительности.

Более того, вскоре на следователей порядочно нажали сверху, и те быстренько закрыли дело. Лишь тогда я стал более реально смотреть на возможности Воронова.

Но я продолжал идти дальше, каждый раз придумывая все новые пути, и потратил на собственное упрямство еще более полугода.

Несколько раз я даже пытался просить помощи у Гусинского, который некогда помог решить наши проблемы, но Владимир Александрович делал вид, что знать меня не знает и всячески избегал встречи.

К счастью, повторных попыток расправиться со мной физически не последовало. Видимо, Воронов решил, что серьезной проблемы я уже представить не могу, и оказался прав – все мои отчаянные попытки вернуть похищенное не принесли результата.

Чем был примечателен тот день, когда я понял – все, тупик, да и вообще какой это был месяц, толком не помню. Но в памяти четко сохранилась безоблачная погода над крышей моего бывшего офиса, стоявшего через дорогу. Машины мелькали перед глазами, люди беспорядочно входили и выходили из парадных дверей бизнес-центра, внутри которого жизнь всегда текла одинаково.

Я стоял неподалеку, с грустью взирая на окна своего бывшего кабинета. Ветер неласково бил по лицу, а в душе, подобно волнам на берег песчаного моря накатывала ностальгия.

И я сделал то, что должен был сделать сразу – начал все сначала. Моя команда, к сожалению, уже обосновалась в разных компаниях, устав в какой-то период ждать у моря погоды, поэтому пришлось собирать ее заново.

Денег на стремительный старт уже не было, но худо-бедно мы заняли определенную нишу на рынке, проработав более полутора лет. Развивались медленно, но верно, и я с каждым месяцем начинал все более уверенно смотреть вперед.

Тяжелая утрата на душе начинала рассасываться, прежние обиды уже не так сильно жгли изнутри. В большинстве случаев человек не может знать, что его ждет впереди, а как раз там меня ожидали потрясения такого масштаба, по сравнению с которыми Воронов и его команда выглядели ущербно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.